

Алексей Тарновицкий

**Киллер с пропеллером
на мотороллере**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тарновицкий А. В.

Киллер с пропеллером на мотороллере /
А. В. Тарновицкий — «АСТ», 2016

Ленинград, середина 80-х. Саша Романова, так тщательно скрывавшая свой талант, изо всех сил пытается убедить себя, что жизнь не должна походить на остросюжетный триллер. Увы, судьба навязывает ей иное развитие событий – тем более что о необъяснимой способности Саши фатально влиять на чужие жизни становится известно тем, с кем ей вовсе не хотелось бы иметь дела...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тарновицкий А. В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1	5
2	18
3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Тарновицкий

Киллер с пропеллером на мотороллере

1

В пятницу я не пошла в лабораторию. Потому что наплевать. Состояние равнодушия означает, что твоей душе все равно. Только вот это «все равно» бывает разным. Бывает веселым и бесстрашным, когда делаешь сумасшедшие вещи и всё тебе по фигу. Бежишь по лезвию ножа, слева и справа пропасть, впереди туман, а назад и вовсе хода нет – но ты все равно бежишь, и босым ступням не больно, и душа ровнехонька и спокойна, как поверхность пруда в летний безветренный полдень. А бывает – никуда не бежишь. Бывает, висишь в ватной пустоте, где нет ничего, даже эха, так что и собственного крика не слышать. Это уже совсем другое «все равно». Это уже не равнодушие, а пустодушие какое-то, иначе и не скажешь. И наплеватьство в такие моменты тоже совсем другое – пустое, без восторга, без удовольствия и даже без отчаяния.

Утром, когда мама зашла в мою комнату и присела на краешек кровати, я не стала притворяться спящей. Потому что наплевать.

– Ну, что ты, Сашенька, – сказала мама. – Ну, нельзя же так переживать.

– Я не переживаю, – ответила я, ничуть не покривив при этом душой. Своей ровной пустой душой.

Мама погладила меня по голове.

– Если хочешь знать, я всегда думала, что Костя тебе не подходит. Понятия не имею, что ты в нем нашла. Малахольный какой-то. А его мамаша... – это ведь просто кошмар.

– Ага, – подтвердила я.

Что есть, то есть. Лоськина мамаша и в самом деле была редкостным экземпляром. Да и сынок ее тоже. Действительно, что я в нем нашла? Сейчас это и вовсе казалось непонятным. Непонятным и стыдным. Это ж надо: споткнуться о такое ничтожество! И не просто споткнуться, но еще и выстроить на этом прыще целый дворец. И не просто выстроить, но еще и поселиться в нем, а потом с маниакальным упорством уговаривать себя, что живешь на прочном фундаменте, строить планы на будущее, изображать счастливую невесту...

Любила ли я его когда-нибудь? Сейчас уже казалось, что нет, никогда. Просто составила себе жизненный план, этакую стройку пятилетки, этакий личный БАМ, Байкало-Амурскую... – или Байдово-Амурную?... – магистраль к счастью, и – бам-бам по темечку... – ударно его реализовывала, время от времени вручая самой себе почетные грамоты за опережение графика. Дура, натуральная дура-дураиня. Дураиня Социалистического Труда.

Мама снова погладила меня по голове.

– Ну вот, – сказала она, – значит, и печалиться не о чем.

Ах, мама, мама, ну какая печаль? Нет ни печали, ни галош всмятку. Есть дураиня соцтруда, внезапно оставшаяся без плана. А поскольку раньше этот план заполнял всю ее дурацкую жизнь, то вот вам и результат – пустота. Все правильно, все логично. Но было бы еще хуже, если бы этот козел, мой несостоявшийся жених, вдруг возник сейчас в углу комнаты – коленопреклоненный, с обручальным кольцом на копыте и брачным свидетельством в зубах. Так что не в нем дело, не в Лоське...

– Почему ты не встаешь? Сегодня тебе можно прийти попозже? – осторожно осведомилась мама.

– Сегодня свободный день, – соврала я. – Не беспокойся, мамуля, все в порядке. Ты сама-то не опоздай.

– Может, мне остаться? Сварю тебе куриный бульончик... хочешь?... остаться?..

Я отрицательно помотала головой, хотя мамин куриный бульончик был несомненной ценностью даже в самые пустодушные моменты. Вот только на одном этом горячем далеко не уедешь. Нужен бензин иного рода. Нужен новый план, новая цель, новая жизнь. Конец эпохи.

Мама ушла на работу, и охамевшая собака Бима, безошибочно определив минуту хозяйкиной слабости, немедленно забралась ко мне на кровать и улеглась рядом – поначалу на краешке, якобы робко, остерегаясь пускать слюни на подушку, но уже явно планируя дальнейший захват жизненного пространства. Я слегка побарабанила пальцами по теплому собачьему лбу.

– Конец эпохи, Бимуля. Нужен новый план. Что скажешь?

Бима глубоко вздохнула.

– Слушай, кончай валять дурака, – говорил этот вздох. – Я ли тебя не предупреждала: кобель – дело недолговечное. Рассчитывать на верность кобеля – все равно что делать отметку на морском песке. Волна набежала, и даже запаха не осталось. А что касается новой эпохи, так это и вовсе чепуха. Выйдем на улицу, обнюхаем столбик-другой... ты даже не представляешь, сколько там заявок и объявлений! Кстати, когда ты собираешься вывести меня на прогулку?

– Ты вот что, собаченция, – строго сказала я. – Ты на меня не дави своим откормленным короткошерстным боком. И вообще не дави никоим боком. Дай мне очухаться, слышишь? Поимей уважение. Конец-то эпохи не только у меня лично. Конец эпохи во всей стране или даже во всем мире. И кто его устроил, этот конец? Я и устроила, вот этими вот ручками. Я ведь убийца, Бимуля... Убийца... убийца...

Я несколько раз повторила это слово, внимательно вслушиваясь в звук. Выходило плохо, некрасиво. «У» как-то теряется, так что непонятно, зачем оно там вообще. «Бий» похоже на «Вий», а при чем тут Вий? Как у Гоголя: «Поднимите мне ве-е-екиии...» Чушь, короче говоря. Ну, а последний слог вовсе ни к селу ни к городу. «Ца»! Похоже на «цацу» какую-нибудь, а то и на ламцадрица-цацу. Несерьезно. Да и ассоциации – опять это ца-ца-ца! – не бог весть какие. Убийца – это мрачный дядька с бородой и окровавленным топором. Или с топором и окровавленной бородой – так еще круче. Ну какая из меня убийца – ни бороды, ни топора... Нет, так не пойдет.

– Знаешь, Бимуля, никакая я не убийца. Слышишь?

Собака согласно заурчала и заерзала, подталкивая меня к стене, чтобы поудобней развалиться на моей же кровати.

– Я киллер! Это намного точнее. Ну-ка, попробуем на слух... Киллер... киллер... киллер...

Да, это звучало куда приятней. Что-то такое стильное. Киллер с пропеллером на мотороллере... Прямо как в заграничном детективе. Может, мне заделаться киллером-профессионалом?

– Как ты думаешь, Бимуля? Будем получать заказы. Ты отслеживаешь, я исполняю. Что, не веришь? Ну и зря. Ты просто не видела, как я замочила тех троих алкашей в доме 7а по улице Партизана Кузькина. Или 7б?.. Короче, партизан Кузькин мною бы точно гордился. А оперуполномоченный Знаменский? Даже пикнуть не успел. Только глазками поморгал. А Миронов из стройотряда? Этого вообще – на расстоянии! А эпоха? Замочить целую эпоху – каково? Это тебе не столбики обнюхивать!.. Слушай, кончай толкаться, сучка ты этакая! Вообще уже к стенке прижала! Бима! А ну, брысь с кровати!

Я столкнула зарвавшееся животное на пол, и в отместку собаченция тут же принялась ходить кругами, с хрустом потягиваться, пронзительно повизгивать, оглушительно зевать и всячески давить мне на психику, требуя прогулки. Пришлось встать, одеться и так, немы-

той-нечесаной, вести Биму на улицу, где эта зараза, конечно же, крепилась и терпела со своей нуждой до последнего, чтобы максимально оттянуть наше возвращение домой, к умывальнику, зубной щетке и чашке кофе.

Потом я снова завалилась спать и проснулась от восхитительного запаха – вернувшаяся с работы мама варила обещанный бульон. Мы поели и уселись на диван смотреть старые фильмы про Максима, которые шли подряд по случаю кончины эпохи. Так, незаметно, от Чиркова к Кадочникову и Крючкову пролетели выходные.

Брежнева хоронили в понедельник, и все сидели у телевизоров, так что в лабораторию я ехала в совершенно пустом трамвае. Киллеры не знают угрызений совести, но, глядя на траурные портреты с бровастым лицом, я не могла отделаться от чувства вины. Ведь я не собиралась убивать этого старика: лично он не сделал лично мне ничего плохого. Когда я выкрикнула это свое смертоносное «Сдохни!», оно было адресовано не ему, а гадостной эпохе, которая перебила всех настоящих мужчин, а уцелевших превратила в ничтожества. Возможно, что и сам он был всего лишь жертвой, как мой никчемный Лоська. Возможно, он был добрым человеком и желал другим только счастья. Я хотела убить эпоху, а убила его. Наверно, она только на нем и держалась, эта жуткая тварь – на этом трясущемся, шамкающем, недалёком старикане. Тоже мне, опора... А с другой стороны, на чем же еще ей было держаться – ведь лучших она давно уже истребила.

В лаборатории работал телевизор и было непривычно много народу. Редкий случай: пришли почти все, хотя не выдавалось ни аванса, ни получки.

– Сашенька, ну где же вы ходите? – приветствовал меня Троепольский. – Давайте к нам! Тут такое представление! Коллективный просмотр по всем рабочим подразделениям. Руководство специально телевизоры выделило, представляете?

– А чего не выделить? – мрачно проговорил Димушка. – Генсеков-то нечасто хоронят. С предыдущего, считай, почти тридцать лет прошло.

– Тогда телевизоров еще не было, – заметила Зиновья, самая старшая в лаборатории.

– Были, но не у всех, – возразил Троепольский. – У деда, к примеру...

– Троепольский, хватит, – необычно грубо перебил его завлаб Грачев. – Надоело слушать про твоего деда-посла. Тут конец эпохи, а вы...

Грачев был заметно пьян и бледен, жидкие волосы встрепаны, галстук сдвинут набок. Троепольский сочувственно причмокнул губами и не стал возражать. На экране под траурную музыку плыл хорошо знакомый профиль невинно убиенного мною генсека. Отчетливо чернели знаменитые брови. Отделанный кокетливыми рюшечками гроб тащили шестеро совершенно одинаковых полковников в красных повязках. Полковники прижимались к гробу щекой, уставив под одинаковым углом околыши низко надвинутых фуражек. Втиснувшись между ними и наверняка сильно при этом мешая, семенили старшие члены Политбюро. Первым шел Андропов.

– А вы мне не верили! – торжествующе проговорил Димушка. – Я сразу на него подумал.

– Да какая разница? – отмахнулся Троепольский и, понизив голос, добавил: – Ка-Гэ-Было, так и будет. Во несут-то, вы только гляньте... И как они друг другу на ноги не наступают? Бурлаки на Волге...

– Тише... – прошипел завлаб.

– Ну что ты на меня тянешь, Грачев? – возмутился Троепольский. – Что такое случилось? Ну умер он, так что? Как говаривала моя бабушка, умер-шмумер, главное, шоб был здоров!

– Тише... – шикнул кто-то.

Димушка привстал и окинул взглядом собравшихся.

– Успокойтесь, – сказал он, снова садясь, – Вера Пална далеко. Рыдает в своей камере.

Грачев икнул.

– Все равно, тише! – упрямо выговорил он и икнул снова.

Троепольский подошел и ласково приобнял его за плечи.

– Пойдем, Слава, пойдем...

Это был первый на моей памяти случай, когда кто-то называл Грачева по имени. Конец эпохи, не иначе. Я наклонилась к Зиновкиному уху и шепотом поинтересовалась, при чем тут Вера Пална и почему она рыдает в каморке.

– Вера Пална работает на товарища Андропова, – так же шепотом отвечала мне Зиновка. – Стучит, проще говоря. Призналась Троепольскому в момент интимной близости. А рыдает по впечатлительности натуры. Молодая еще.

– Тяжело он принял, – сообщил вернувшийся Троепольский.

Димушка кивнул:

– Тяжело и много. Сначала портвейн, а потом шило.

– Циник вы, Димушка, – вздохнула Зиновка. – Грачев и в самом деле переживает. Неизвестно ведь, как теперь всё повернется. Лаборатория и так на волоске висит. Раньше хоть стабильность была: пусть и на волоске, а висит. А теперь поди знай...

Троепольский снова махнул рукой:

– Ерунда. Ка-Гэ-Было...

– Говорят, он обоссался во время речи, – тихо сказал Димушка.

– Грачев? – не поверил Троепольский. – Да он в жизни речей не произносил...

– Да не Грачев...

– А, этот... Ну что, вполне возможно. Несчастный мужик, – Троепольский слегка пригнул голову и прошептал: – Мне верные люди рассказывали: ему сыворотку кололи. Выжимку из обезьяньих яиц.

– Троепольский, не говорите глупостей! – фыркнула Зиновка. – Обезьяны не несут яиц. Это млекопитающие. А то, что носят между ног самцы обезьян, называется яйчками.

– Это смотря какого размера, – возразил Троепольский. – Яички – это у мартышек... или у нас с Димушкой. А генсеку, небось, выжимали из гориллных. А у гориллы там – ого-го!..

Я вышла в коридор. Дверь в каморку секретарши была приоткрыта. Вера Пална сидела с заплаканным лицом. Глаза, обычно густо накрашенные, были на сей раз промыты слезами, как майские окна, что сразу лишало Веру Палну ее привычного сходства с участницей выпускного бала ПТУ штукатурщиц третьего разряда. Впрочем, едва прикрывающая лобок мини-юбка и охотничьи – на мужика – сапоги по-прежнему оставались неотъемлемой частью ее облика, пусть и глубоко скорбящего. Увидев меня, Вера Пална всхлипнула, и по щекам ее вновь покатились крупные слезы. Я попыталась припомнить, что говорят в таких безутешных случаях, но на ум шли только самые банальные фразы типа «все там будем» и «бог дал, бог взял».

– Посидеть с тобой, Вера Пална?

Она благодарно кивнула и попыталась что-то сказать, но не смогла вымолвить ни слова. Я примостилась рядом на пачках бланков – не то зарплатных ведомостей, не то профсоюзных взносов, – взяла Веру Палну за руку и стала ждать, когда она успокоится.

– Спасибо, Сашенька, – выговорила она наконец и добавила, скривив лицо в страдальческой гримасе: – Бог дал, бог взял...

– Все там будем, – подтвердила я.

Мне вдруг тоже захотелось поплакать. Слезы – очень заразительная штука. Стоит вот так залезть в каморку, и всё – не остановиться.

– Пойдем к людям, Вера Пална, – скорбно предложила я. – Помянем покойника. По русскому обычаю.

Секретарша закивала и достала зеркальце.

– Боже, какое страшилище... Спасибо, Сашенька... Ты иди, я сейчас подкрашусь и тоже приду.

Личный состав лаборатории по-прежнему смотрел церемонию похорон. Закрытый гроб уже стоял возле ямы; два могильщика в меховых шапках подтягивали длинные белые полотенца.

– Вовремя вернулась, – сказал Троепольский. – Сейчас опускать будут.

– Вдвоем? – поднял брови Димушка. – Не удержат.

– А чего не удержат-то? Гроб ведь обычный, не железный, – возразила Зиночка. – Железный только у Кашея.

Троепольский усмехнулся:

– Вот и узнаем. Удержат – обычный. Не удержат – желез...

В этот момент гроб вдруг резко накренился: раскорячившийся над ямой могильщик дрогнул плечами, и полотенце заскользило в его руках. Послышался явственный глухой стук – то ли упавшего гроба, то ли кремлевских курантов, то ли первого залпа траурного салюта.

– Не удержали! – удивленно вымолвила Зиночка. – Неужто и впрямь железный?

Димушка торжествующе воздел вверх руки, как будто праздновал забитый «Зенитом» гол:

– Уронили! Уронили! А вы мне не верили! Я ж говорил – не удержат!

Станный полузадушенный писк заставил нас обернуться. За нашими спинами, прижав кулачки к перехваченному спазмом горлу, стояла несчастная Вера Пална – стояла и пищала, как, возможно, пищал бы хомяк, жестоко насилуемый медведем.

– Что с тобой, Вера Пална?! – вскочил Троепольский.

Секретарша сглотнула и указала на экран телевизора, где руководители партии и правительства под торжественные звуки гимна поочередно бросали в яму горсти плодородной кремлевской земли. Троепольский схватил Веру Палну за плечи и сильно встряхнул.

– Что?! Да говори же ты что-нибудь!

– Уро-нили... – выдавила из себя секретарша. – Горе-то какое...

– Да ничего страшного, – успокоил ее Димушка. – Уронили-то не в пучину морскую. Куда надо, туда и уронили.

Вера Пална посмотрела на Димушку и мотнула головой из стороны в сторону. Ее безумные глаза были полны слез.

– Нет... – горестно пробормотала она. – Нет... Вы ничего не понимаете. Это ж дурная примета. Хуже не бывает. Теперь покойники косяком пойдут...

И тут же, словно в подтверждение ее слов, содрогнулась под ногами земля, и в окна нашего полуподвала ударил мощный гул, перемежаемый громом артиллерийских залпов.

– Что это? – испугалась Зиночка.

– Заводы гудят, – как-то очень буднично ответил Троепольский, потирая ладони. – Пора бы и нам погудеть, как вы думаете? Сегодня во все лабазы хорошую бормотуху завезли, я проверял. Не скинуться ли по рублику на помин души? С практиканток полтинничек.

И мы скинулись – все по рублику, а я полтинником, хотя по справедливости могла бы не скидываться вовсе. Ведь, что ни говори, а мой личный вклад в убийство эпохи был решающим и без этих жалких пятидесяти копеек.

А впрочем, действительно ли она издохла, эта эпоха, вместе с невинно убиенным ген-сексом? Поначалу так не казалось. На город накатывался декабрь – самый страшный питерский месяц, время промозглой слякоти и темноты в природе и в душах. Неба в тот год не было вовсе – лишь дрожащая мокрая взвесь, именуемая воздухом и предположительно годная для дыхания. По тротуарам, пряча лица от ветра и прихватив на груди лацканы пальти-

шек, торопливо семенили полуавтоматы, именуемые людьми и предположительно годные для жизни.

Я и сама чувствовала себя такой же.

Автоматически поднималась с постели в утреннюю темь, которая не отличалась от вечерней теми ничем, даже положением стрелок на часах: те же шесть, те же семь, те же восемь... Автоматически исполняла ритуал санузла, кухни, одежного шкафа, вешалки. Автоматически выходила наружу и вливалась в поток полуавтоматов... – почему «полу», а не полных? – потому, что в мелочах они все-таки были непредсказуемы: например, наступив на ногу, могли извиниться, а могли и обматерить.

Ведомый полуавтоматом трамвай доставлял меня в лабораторию, где завлаб Грачев автоматически опохмелялся после вчерашнего, а грядущая пенсионерка Зиночка и недавняя пионерка Вера Пална автоматически заполняли каждая свой список. Первая – каталог назначенных к ежедневному розыску продуктов, вторая – перечень нежелательных высказываний сотрудников. Оба списка удручающе напоминали предыдущие, и предпредыдущие, и предпред-предыдущие, и, вероятно, будущие. Затем приходили Троепольский и Димушка, автоматически расставляли шахматы и начиналась всегдашняя баталия, сопровождаемая одними и теми же присказками.

– Мы не бздим с Трезоркой на границе... – бормотал один.

– Половцы, мно-о-ого половцев... – отзывался второй.

Я мало что понимала в шахматах, но отчего-то была совершенно уверена, что и партии разыгрывались постоянные, с одними и теми же автоматическими ходами и весьма небольшой вариативностью... – последнее доказывало, что речь идет все же о полуавтоматах с некоторой, хотя и весьма ограниченной, свободой воли.

Когда моя практика закончилась – конечно же, пьянкой, потому что Троепольский принципиально не упускал ни одного повода «погудеть», – завлаб Грачев позвал меня в кабинет и, многозначительно подняв белесые бровки, сообщил о наличии в штате свободной единицы.

– Подумайте, Сашенька, – сказал он. – Мы тут абы кого не приглашаем, только своих. А вы – своя, это вам любой подтвердит, от Веры Палны до Зиночки. Так что, если хотите, я организую персональную заявку в ваш институт. Защитите диплом, вернетесь сюда мэнэ-эсом.

– Кем?

– Младшим научным сотрудником. Начнете со ста двадцати, а там пойдет...

Я не хотела быть мэнээсом, полуавтоматом со списками и половецким Трезоркой. Я была свободным киллером, киллером с пропеллером на мотороллере. Но что-то в моем горле щелкнуло, и я с ужасом услышала, что отвечаю завлабу нечто вполне автоматическое:

– Большое спасибо, Грачев. Да, я хочу. Организуйте вашу заявку. Буду очень благодарна.

А потом, автоматически возвращаясь домой на трамвае того же номера, я автоматически успокаивала себя одним из стандартно-автоматических соображений: не беда, ничего не случилось, до распределения еще далеко, всегда есть время передумать. Но в глубине своей программы робот женского рода Александра Романова, то есть я, прекрасно осознавала, что ни хрена этот робот, то есть я, не передумает. Да и зачем передумывать? Свободный режим, нормальная зарплата, приличные сотрудники, невредный начальник... Начну со ста двадцати, а там пойдет. Буду приходить к половине двенадцатого, а ближе к вечеру бухать вместе со всеми. И какой-нибудь Трезорка-Троепольский по пьяни нагнет меня на стол в каморке Веры Палны, и я буду вполне довольна этим обстоятельством. А затем, или даже параллельно тому, я найду себе какого-нибудь муженька, хотя не откажусь и от развлечений в каморке под Трезоркой.

Со временем приставка «младший» сменится на «старший», и я стану такой Зиной с внуками, авоськами и все тем же трамваем. А потом во мне неисправимо проржавеет какой-нибудь важный агрегат, и я перестану совершать совокупность автоматических действий, обозначаемую словом «жизнь». И два могильных полуавтомата, раскорячившись над ямой, опустят туда ящик с не подлежащим починке роботом, то есть мной. И если мой ящик грохнется, ударившись о дно по причине соскользнувшего полотенца, то кто-нибудь наверняка автоматически припомнит: «Плохая примета!.. Теперь пойдут косяком!..»

А так? А так они что – не идут косяком?!

Потом выпал обильный снег, и сразу стало полегче, стало чище. А может, это я малопомалу оклемалась.

В начале февраля неожиданно позвонила Вера Пална.

– Сашенька, как дела? Мы тут по тебе скучаем. Грачев совсем пожелтел.

– Пусть печень лечит, – посоветовала я.

Секретарша рассмеялась.

– Нельзя лечить то, чего нет. Слушай, Саша, тут на тебя персональную заявку готовят, надо какое-то собеседование пройти. Ящик-то у нас режимный, сама понимаешь. Ты как насчет следующего вторника в десять? Мы, если что, справку для института дадим.

Я с удивлением обнаружила, что рада звонку. Рада возвращению туда, в лабораторию, в уютный полуподвал в Мариинском проезде.

– Не надо справки, Вера Пална, я сейчас на дипломе. Свободна, как птица. Во вторник, так во вторник.

За четверть часа до назначенного времени я спустилась по стоптанным в полукруглые лунки ступенькам. Грачев встретил меня, как родную. Мы еще обменивались последними новостями, когда в кабинет заглянула Вера Пална, накрашенная пуще прежнего.

– Сашенька, ты уже здесь? Пришел этот... мужик из отдела кадров.

Кадровик оказался аккуратным молодым мужчиной лет тридцати в модной спортивной куртке, вязаной шапочке-гребешке с надписью «Адидас» и легких, не по сезону, туфлях. Улыбка у него была самая располагающая – жаль только, глаза в ней совсем не участвовали. Есть такое определение – «рыбий глаз» – светлый до водянистости, невыразительный до прозрачности.

– Александра Родионовна? – Он протянул мне сухую крепкую руку. – Очень приятно. Сергей Владимирович. Можно просто Сергей. Сережа.

– Можно просто Саша, – в тон ответила я.

– Ну и славно... – Он окинул взглядом пустое рабочее помещение. – Как-то тут не слишком многолюдно.

– Сотрудники в командировках, – важно пояснила я. – Если вам нужен кто-то конкретно, можно справиться у Веры Пал...

– Не нужен, не нужен... – прервал меня кадровик. – Это я так ляпнул, не подумавши.

Он снова улыбнулся и подмигнул понимающе: мол, не забивайте мне баки, Александра Родионовна, знаю я эти ваши командировки...

– Зато никто не помешает, – сказала я. – Сделать вам кофе? Тут есть растворимый. Или чай.

Но кадровик вдруг поднял вверх палец, словно осененный внезапной идеей.

– Знаете что, Саша? Я предпочел бы поговорить в неформальной обстановке... – Он еще раз скользнул взглядом по комнате. – У меня такое впечатление, что мы будем смущать тех немногих... э-э... работников, которые... э-э... не пребывают в командировке. Все-таки я из отдела кадров, сами понимаете. Не хотелось бы мешать здоровому производственному процессу.

– В неформальной обстановке? – переспросила я. – Это как?

Кадровик заговорщицки качнул головой.

– А вот пойдемте, сами все увидите... Пойдемте, пойдемте.

Мы вышли на улицу, и февраль немедленно отхлестал нас по щекам зарядом колкой снежной крупы. Мороз был нешуточный, за двадцать градусов. Я покосилась на тонкие штиблеты кадровика: пожалуй, неформальность начиналась именно с них – по крайней мере, неформальность отношения к зимней погоде.

– Вам не холодно, Сергей? В таких туфельках...

Он улыбнулся:

– Это не страшно, Саша. Мы ведь не пешком пойдем... – Кадровик шагнул в сторону и распахнул передо мной заднюю дверцу стоявшей у тротуара черной «Волги». – Садитесь, не бойтесь. Садитесь, садитесь...

Я попятилась от неожиданности. Что за дела такие? Мужчина вытащил из-за пазухи удостоверение в красненьких корочках, помахал им и сунул назад в карман:

– Вот. Садитесь.

Это становилось интересным. Подобного вывиха моя автоматическая программа явно не предусматривала, но я не чувствовала ни капельки страха. Наоборот – в моей жизни наконец-то происходило что-то непредсказуемое. По крайней мере, пока. Пока. Покойный оперуполномоченный капитан Знаменский очень любил это слово.

– Чем это вы у меня перед носом помахали, Сережа? – поинтересовалась я, делая еще один шаг назад. – Сейчас вроде не лето, веера ни к чему. Дайте-ка посмотреть, кто вы да что вы. Я ведь, знаете, к незнакомым мужчинам в машину не сажусь. Мама не велит.

Кадровик переступил с ноги на ногу: по-видимому, мое поведение выходило за рамки стандартной реакции обычной гражданки-полуавтомата. Поколебавшись секунду-другую, он снова вынул удостоверение, раскрыл и протянул мне. Слева на красно-кирпичном фоне красовалась фотография моего нового знакомого, круглая печать и большой остроконечный щит с гербом и тремя крупными буквами КГБ. Справа...

– Старший лейтенант Свиблов Сергей Владимирович, – прочитала я вслух. – Оперуполномоченный Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Владельцу удостоверения разрешено хранение и ношение огнестрельного оружия... Вы ведь не застрелите меня, Сережа?

– Там видно будет, – пошутил он и стукнул ногой о ногу. – Саша, прошу вас, садитесь. Так и простудиться недолго.

– А я вас предупреждала, – заметила я, влезая в теплое «волжское» нутро. – В таких туфельках да на оперативную работу...

Сидевший впереди шофер саркастически хмыкнул. Свиблов захлопнул дверцу, обошел машину и плюхнулся на заднее сиденье рядом со мной.

– Поехали, Коля. В контору.

Ехали молча. Я не задавала вопросов. Как говорил чех Сатек, мой любимый Святой Сатурнин, люди думают, что всякое знание умножает печаль, но это не так. Печаль умножается только преждевременным знанием. Вряд ли он додумался до этого сам. Хотя кто знает: он явно большой умник, мой Сатурнин... Я вдруг вспомнила о нескольких днях, проведенных нами вдвоем в пустом здании школы в Минеральных Водах. Вспомнила брошенные на пол матрасы и кислое вино, которым мы запивали поцелуи – чтобы не было слишком сладко, говорил Сатек... Вспомнила абрикосы, которыми мы заедали вкус нашего близкого и неизбежного расставания – чтобы не было слишком горько, говорил Сатек... Он вообще много говорил и не всегда по делу. «Ты моя императорка, – говорил он, – императорка Александра Романова...» Я вспомнила это все, и у меня защемило в животе. Вот Сатека-то я, наверно, любила по-настоящему, если до сих пор щемит...

Раскрылись ворота, «Волга» въехала во двор, мы вышли и поднялись на лифте. Потом я какое-то время ждала в комнате с двумя стульями, одним столом и одной дверью. Примерно так же меня выдерживал в июне прошлого года оперуполномоченный Знаменский, ныне покойный. Видимо, такая у них манера, у оперуполномоченных. Наконец, вернулся старший лейтенант Свиблов, он же Сережа, он же «кадровик».

– Извините, что заставил вас ждать, – сказал он, кладя на стол две пухлые канцелярские папки. – Пока получишь из архива, пока распишешься, пока принесешь... Бюрократия.

– Это ваша неформальная обстановка, Сережа?

Старлей развел руками:

– Приказ начальства. Чтобы сразу настроить на серьезный лад. А то ведь знаете, часто человеку хочется сначала поиграть, походить вокруг да около. А зачем? Лучше уж прямо к делу. Для всех лучше. Вы согласны?

Я пожала плечами. Наверно, он ждал вопросов, но я не собиралась с этим торопиться. Преждевременное знание умножает печаль. Сами расскажут, когда придет пора.

– Итак, прямо к делу... – Свиблов открыл папку и взял из нее верхний лист. – Мне приказано для начала ознакомить вас с той картиной, которая, так сказать, сложилась в нашем понимании. Тут конспективно. Те ваши подвиги, о которых стало известно. Что не исключает наличия других. Пункт первый...

Он поднял на меня выжидающий рыбий взгляд. Так, наверно, смотрит судак, застыв у края мелководья, где резвится малый карасик. Смотри, смотри, рыбина... мне на твоей глубине делать нечего, мне и здесь, на солнышке хорошо. Старлей вздохнул и снова обратился к своей бумажке.

– Резня на улице Партизана Кузькина, дом 7а, квартира 31, по месту жительства Плоткина Александра Ивановича.

– Плотникова, – поправила я.

– Что, простите?

– Насколько я помню, фамилия убийцы была Плотников.

Рыбий глаз метнулся к бумажке.

– Да, вы правы, – смущенно признал Свиблов. – Действительно, Плотников. Три трупа, включая его самого... Интересно, что вы это помните.

Еще бы не помнить. С нее-то все и началось, с этой квартиры. Я попала туда совершенно случайно, перепутав номера домов. Вернее, даже не номера, а буквы. Катяка Расторгуева, к которой я приехала заканчивать курсовик по деталям машин, проживала в хрущобе под номером 7б, а я сдуру сунулась в 7а. Они там все одинаковые, эти чертовы пятиэтажки. Квартира на первом этаже и три пьяных алкаша, обрадовавшиеся легкой добычей. Как сказал один из них, «есть кого насадить на шашлык». И насадили бы, если бы не мое так внезапно и вовремя открывшееся умение убивать. Убивать не руками, не ногами, не мечом и не пулей, а всего лишь ненавистью и одним только словом: «Сдохни!». А дальше уже всё произошло само собой. Я тогда здорово перепугалась – не от смерти и крови, а от этой своей способности...

– Так что? – поторопил меня старлей.

– Что «что»?

– Откуда такая хорошая память о тех убийствах, в которых вы вроде как и не были замешаны?

Я усмехнулась.

– Сережа, вы ведь мне обещали, что не будете вокруг да около. Думаете, я не узнала эту папку? Да-да, вот эту, серенькую с грязными тесемками. Она мне запомнилась еще по следователю Знаменскому. По-моему, его звали Павлом Петровичем, но разыгрывал он из себя прямо-таки Порфирия Петровича... Знаете, по Достоевскому.

– Как же не знать, – почти обиженно заметил Свиблов, – в школе проходили.

– Ну вот. Дважды меня допрашивал, как Раскольникова: а почто вы, Родион Романыч, старушонку кокнули? Даже в бывший Съезжий дом таскал – знаете, с каланчой, на углу Садовой...

– ...и Большой Подъяческой, – кивнул старлей. – Да, мы в курсе.

– Ну вот... – улыбнулась я. – Так и запомнила. Он ведь мне этот вопрос раз двадцать задал – что я делала в квартире Плотникова.

На том втором допросе Знаменский вырвал у меня признание, что я была свидетельницей убийств. Так получилось, по моей же глупости. С другой стороны, тогда он ничего не писал, а потом просто не успел по причине безвременной кончины. Значит, признания в деле нет. Признания нет, но свидетельства моего пребывания в квартире наверняка есть: показания бабок на скамейке, забытый тубус с чертежами, следы обуви под окном...

Свиблов вздохнул:

– Спрашивать-то он спрашивал, но ответов ваших не записал. Непростительная небрежность, что и говорить. Сначала ведь вы показали, что к дому 7а и близко не подходили.

Я скорчила покаянную мину:

– Да, верно. Испугалась. Но потом-то я все ему рассказала как на духу.

– И что же вы рассказали? – приветливо поинтересовался старлей. – Это не для протокола, Саша. Понимаете, дело-то давно закрыто. И никто к нему возвращаться не собирается. Так что говорите смело.

– Да что там говорить... – Я махнула рукой. – Дура я, товарищ старший лейтенант. Ехала к подруге, перепутала дома и пришла не туда. Ну вот. Пока поняла, что к чему, дверь захлопнулась. А в квартире три алкаша бормотуху глушат. Хорошо, первый этаж, лето, окна открыты. Ну я в окно и сиганула. Вот и весь рассказ.

Свиблов несколько раз моргнул прозрачными судачьими глазами.

– Понятно. Наверно, вам будет интересно узнать, что милицееское следствие пришло примерно к такому же выводу.

– Ну и замечательно, – с энтузиазмом откликнулась я. – Моя милиция меня бережет. Если кто-то кое-где у нас порой...

– Ах, если бы так... – вздохнул старлей. – К сожалению, кадров не хватает, раскрываемость не так высока, как хотелось бы. В общем, можно понять угрозыск. Люди с ног падают, так что если дело более-менее ясное, то отчего бы его не закрыть, правда? Зачем копать дальше, когда картина преступления налицо? Вот вам трупы, вот вам оружие, вот вам отпечатки, вот вам заключение патологоанатома. Так?

Я пожала плечами. Свиблов утвердительно кивнул.

– Так, Саша, так. Поэтому-то вашего Порфирия Петровича в отделе и не любили. Станный он был. Дело-то закрыто, премия получена, казалось бы – радуйся. А он все копает и копает... Его за самоуправство несколько раз едва не уволили. Так что, когда его самосвал сбил, многие даже обрадовались. Штатная единица освободилась.

– Вы что, меня на работу приглашаете? – удивилась я. – Что вы, Сережа, я не подхожу. Зачем угрозыску такой следователь, который не может 7а от 7б отличить?

Свиблов широко улыбнулся.

– В юморе вам не откажешь. И в иронии тоже. Взять хоть такую иронию судьбы: капитан Знаменский Павел Петрович погиб сразу после учиненного вам допроса. Кому-то это совпадение показалось бы странным.

– Станным? – Я снова пожала плечами. – Ничего странного. Судя по тому, что вы рассказали, Сережа, капитан жил в мире фантазий. Да и его беседы со мной это подтверждают. И вот, представьте, выходит такой человек на улицу и продолжает витать в облаках,

строить воздушные замки своих фантастических теорий. Удивительно ли, что он не заметил самосвала? А при столкновении фантазии с самосвалом побеждает сами знаете кто.

В рыбьих глазах вспыхнула крошечная искорка – вспыхнула и погасла.

– С самосвалом, говорите? Видимо, так. Видимо, на этот раз Павел Петрович и впрямь столкнулся с самосвалом. А то и с чем-то посерьезней...

– С трактором «Кировец»? – предположила я.

– Зачем спрашивать? – снова улыбнулся он. – Вы ведь там были, на перекрестке. Были и все видели. Не так ли?

Я не стала отпираться. Мало ли каких показаний они там накопили.

– Так. Я подошла к перекрестку сразу после того, как... как это случилось.

Свиблов открыл вторую папку и минуту-другую справлялся с ее содержанием.

– Ну да, – сказал он наконец, – вот и свидетели подтверждают. Первой к погибшему подошла девушка, похожая по описанию на вас. Жаль, что вы не задержались до прихода милиционера.

Еще бы не подошла! Как же иначе я вытащила бы тогда из кармана Знаменского свой паспорт? Но этого, по-видимому, никто не заметил: все смотрели на раздавленную грудную клетку и на пузыри, выдуваемые ртом умирающего.

– Да, это так... – произнесла я по возможности скорбно. – Он был еще жив, вот я и наклонилась поближе. Знаете, в кинофильмах люди всегда говорят в такие моменты что-то самое важное. Для грядущих поколений. Ну вот, я и решила предоставить ему такую возможность. Все-таки не чужой человек умирает, хотя и фантазер.

Я замолчала, давая суду возможность проглотить наживку.

– И что же он сказал?

– Буль... буль... буль... – раздельно ответила я, глядя прямо в серые рыбы глаза и с наслаждением узнавая в них тень того же самого страха, который переполнял умирающего капитана Знаменского.

Вот так, парень. Поосторожней на поворотах. Знай, с кем имеешь. Это сейчас ты оперуполномоченный, а уже в следующую минуту булькаешь окровавленными губами свое последнее послание грядущим поколениям. Свиблов отвел взгляд и откашлялся. Видно было, что ему стоило некоторого труда вернуть себе необходимую уверенность.

– Вы так и не спросили... – проговорил он, поперхнулся и начал сызнава. – Вы почему-то даже не поинтересовались, зачем мы привезли вас сюда...

– А надо интересоваться? Разве вы сами не скажете?

Старлей снова взялся за папку. Я ждала, благожелательно улыбаясь.

– Потом был Миронов, – вдруг выпалил он. – Комиссар интернационального строительного отряда. Ему вы просто отрезали голову!

– Отрезала голову? – изумленно переспросила я. – Ну, знаете... Мне удивительно везет на любителей русской литературы. Прежний следователь чесал прямо по Достоевскому, а вы, похоже, увлекаетесь Булгаковым. Просто черт знает что, Сережа. Это, в конце концов, опасно! Вспомните, куда подобные фантазии завели капитана Знаменского. Вы ведь, помоему, тоже оперуполномоченный.

Свиблов поднял от бумаг побледневшее лицо.

– Вы что, мне угрожаете?

Я всплеснула руками.

– Да что с вами, Сережа?! Как я могу вам угрожать? И чем? Кто я и кто вы...

Он открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент в углу комнаты послышался писк зуммера. Мигнула лампочка на стене. Старлей сделал плотательное движение, встал со стула и принялся собирать папки.

– Ждите здесь.

Я снова осталась одна, но ненадолго. Спустя минуту дверь комнаты отворилась, и вошел седовласый человек в форме с погонами полковника. Он поставил на стол небольшой кассетник, сел и, не здороваясь, стал смотреть на меня. Я отвечала ему честным пионерским взглядом, отчетливо при этом сознавая, что шутки, как видно, кончились. Теперь передо мной был уже не заполошный судачок Сережа. Подобной хищной рыбины испугался бы и сам Хемингуэй.

– А вы та еще штучка, Александра Родионовна, – сказал полковник и предостерегающе поднял палец, когда я собралась ответить.

– Не надо, не отвечайте... Вы, наверно, думаете: все равно они ничего не докажут. Потому что суды не принимают к рассмотрению соображений о сверхъестественных явлениях... – он почесал себя по гладко выбритой щеке. – И хорошо, что не принимают, если хотите знать мое личное мнение. Так что у капитана Знаменского не было ни единого шанса посадить вас на скамью подсудимых за тройное убийство. Нет его и у нас, хотя к этому моменту число ваших жертв выросло вдвое. Ведь вдвое, так?

Я промолчала – он ведь сам велел мне не отвечать. Полковник вздохнул и слегка наклонился вперед. Глаза у него были карие, усталые.

– Только мы ведь не капитан Знаменский. Мы вас сажать не собираемся, а потому и доказывать нам ничего не нужно. Все уголовные дела, по которым вас можно было бы обвинить, закрыты раз и навсегда. Вам здесь ничего не угрожает. Я попросил Сергея Владимировича привезти вас сюда с единственной целью: чтобы вы поняли – о вас знают. Знают и более того – предлагают сотрудничество. Повторяю: сотрудничество. Работу и, возможно, должность, звание. Естественно, пока все это придется держать в секрете. А в будущем – кто знает... Вот и всё. Теперь можете говорить.

Он откинулся на спинку стула и спокойно смотрел на меня в ожидании ответа. Сотрудничество? С КГБ? Вот так поворот! Я была готова к чему угодно, только не к этому. Что теперь делать? Как отвечать? Прикинуться дурочкой, уйти в несознанку – мол, знать не знаю, о чем вы...

– Товарищ полковник, я не понимаю...

– Стоп! – скомандовал седовласый. – Послушайте.

Он нажал на кнопку кассетника. Сначала я услышала поразительно знакомый скрип. Затем – столь же знакомое урчание. Бимуля! – поняла я и в следующую секунду послышался уже мой собственный голос: «Конец эпохи, Бимуля. Нужен новый план. Что скажешь?»

Далее прозвучал глубокий вздох моей собаченции. Качество записи было просто превосходным. «Поимей уважение, – говорила я. – Конец-то эпохи не только у меня лично. Конец эпохи во всей стране или даже во всем мире. И кто его устроил, этот конец? Я и устроила, вот этими вот ручками. Я ведь убийца, Бимуля... Убийца... убийца...»

Полковник остановил запись.

– Еще?

Наверно, у меня был слишком ошарашенный вид, потому что он вздохнул, пожал плечами и снова нажал на воспроизведение.

«Ты просто не видела, как я замочила тех трех алкашей в доме 7а по улице Партизана Кузькина. Или 7б?.. Короче, партизан Кузькин мною бы точно гордился. А оперуполномоченный Знаменский? Даже пикнуть не успел. Только глазками поморгал. А Миронов из стройотряда? Этого вообще – на расстоянии! А эпоха? Замочить целую эпоху – каково? Это тебе не столбики обнюхивать!.. Слушай, кончай толкаться, сучка ты этакая! Вообще уже к стенке прижала! Бима! А ну, брысь с кровати!»

– Хватит, – попросила я. – Достаточно.

Мы немного помолчали.

– Как вас зовут? – Не знаю почему, но мне хотелось обратиться к нему по имени-отчеству.

Полковник отрицательно покачал головой.

– Вам это незачем. А мне тем более. Уж больно вы опасный партнер, Александра Родионовна. Хватает того, что вы знаете Сергея Владимировича. Так уж повелось в военной иерархии: лейтенантам приходится рисковать за полковников. Вот через него и будем общаться. Во всяком случае, на первых порах. Договорились?

– Как вы это... записали?..

– Ах, это... – Седовласый грустно улыбнулся. – Представьте себе, это даже не наша работа. «Жучка» вам поставил еще этот несчастный мент, капитан Знаменский. Мечтал найти доказательства... Вот так, чисто случайно, по межведомственным каналам... впрочем, детали вам знать ни к чему. Наша скучная внутренняя кухня, неинтересно.

Мы снова немного помолчали. Вот ведь как – говоришь вроде бы с собакой, бессловесным существом, а получается...

– Что будет теперь? – спросила я.

Полковник развел руками.

– Ну, судя по записи, вы сами мечтаете о карьере киллера с пропеллером на мотороллере. Чтобы ваша собака вынюхивала, а вы исполняли. Что вам сказать... в этом плане много слабых мест, но есть и некое рациональное зерно. Конкретней пока не могу, уж извините... – Он взял со стола кассетник и, кряхтя, поднялся на ноги. – Будьте здоровы, Александра Родионовна. Сережа отвезет вас куда прикажете. И это... будьте с ним немного поласковой. Совсем запугали парня, а вам ведь вместе работать.

«Волга» ждала во дворе. Я приказала везти меня домой, что и было исполнено. Правда, выходить из машины пришлось в соседней подворотне. Чтоб лишний раз не светиться, как выразился мой связной, оперуполномоченный КГБ по Ленинграду и области старший лейтенант Свиблов. На прощанье он попросил у меня записную книжку и вписал туда телефонный номер на имя «Сережа».

– Вот, Саша. Будет надобность – звоните.

«Только этого мне не хватало», – подумала я, но поблагодарила.

2

Защиту диплома назначили на среду, второго марта, а в понедельник я отправилась пересдавать свою единственную тройку, полученную в предыдущей сессии на фоне тогдашнего душевного раздвоя. Какими далекими казались сейчас те проблемы и переживания! Белые ночи, набережные, заполненные юными выпускниками, роскошная двуспальная кровать в квартире Лоськиного друга, и сам Лоська, которого можно было принять в те дни за мужчину, а не за жвачное парнокопытное, коим он на самом деле являлся. Конечно, я и тогда знала, что это не более чем иллюзия. Знала, но изо всех сил обманывала и себя, и его. А может, и не обманывала – просто тешила себя надеждой, что у меня хватит характера на двоих. Ага, как же... в случае Лоськи не помогла бы и знаменитая выжимка из обезьяньих яиц...

Так или иначе, но я заявила на последний перед стройотрядом экзамен, даже не заглянув до этого в конспект и рассчитывая исключительно на шпаргалку системы «крокодил», которой не умела пользоваться. У Тимченко были все основания вклеить мне двойку, но он не стал этого делать. Наверно, почувствовал мое состояние. Как он сказал тогда? А, вот: «Вам, должно быть, очень нужен этот экзамен, если вы пошли на такой позор».

И я, проглотив унижение, кивнула.

«Тогда выбирайте, – сказал он. – Либо тройка с позором, либо честная двойка. Точка, конец сообщения».

Это было его любимое присловье: «Точка, конец сообщения».

Что я могла ответить? Тогда мне казалось, что вся моя жизнь зависит от поездки на Кавказ, а поездка, в свою очередь, зависела от успешно сданной сессии. Успешно – это без двоек. Конечно, я выбрала позор.

Потом, уже осенью, я неожиданно наткнулась на Тимченко в рюмочной недалеко от института. Не знаю, кто из нас удивился больше. Заведение располагалось в районе Сенной – самое Достоевское место. Наверно, тут был кабак и во времена Федора Михайловича. Я как раз думала об этом, когда увидела Тимченко за соседним столиком, и, чтобы как-то заполнить неловкую паузу, задала первый пришедший в голову дурацкий вопрос. Что-то про чиновника, который здесь «пресмыкался втуне». Это казалось мне очень созвучным моему тогдашнему настроению – пресмыкаться втуне.

Вопрос был ни к селу ни к городу, но Тимченко сразу понял, о чем я. «Вы тоже вспоминаете Мармеладова? – сказал он. – Как же, как же... кого еще и вспоминать в таком месте». Помню, меня поразило это «тоже»: вот уж кого никак нельзя было вообразить пресмыкающимся втуне. Кого угодно, но только не Анатолия Анатольевича Тимченко, похожего на Челентано, делавшего аспирантуру в Японии и читавшего лекции в джинсах «ливайс» и умопомрачительных светлых пиджаках... Если уж Мармеладова вспоминал в таком месте такой человек, значит, и впрямь этот мир съехал набекрень.

Нечего и говорить, что к переэкзаменовке я подготовилась хорошо. Тимченко не стал доставать билетов. Просто спросил:

– Знаете?

Я кивнула.

– На пять?

Я снова кивнула, еще тверже прежнего.

– Давайте зачетку.

Тимченко поставил «отлично», расписался в ведомости и откинулся на спинку стула. В кремовом пиджаке, темной атласной рубашке и модном галстуке в тон он смотрелся просто как кадр из франко-итальянского фильма. Такие мужчины выходят из сияющих лимузинов

на красные дорожки отелей Лазурного Берега. Рюмочная у Сенной? Титулярный советник Мармеладов? О чем вы, милочка? Потрясенная этим заграничным блеском, я даже не слышала следующего вопроса.

– Вы что-то спросили, Анатолий Анатольевич?

Он понимающе улыбнулся:

– Да. Я спросил, получится ли у вас диплом с отличием?

– Теперь получится. У меня за все годы набралось только две четверки. А троек и вовсе была всего одна – ваша.

– Ну, положим, не моя, – запротестовал Тимченко. – Вы заслужили ее самостоятельно. Точка, конец сообщения.

– Вот уж нет, – возразила я, пряча зачетку. – Я заслужила двойку. Так что тройка именно ваша.

Он рассмеялся.

– Ладно, не будем спорить... – Тимченко качнулся взад-вперед вместе со стулом и добавил: – Знаете, Романова, я вам завидую.

– Мне?

– Вам – в смысле вашему поколению. Помните, мы встретились с вами в одном... гм... заведении не вполне общеобразовательного характера?

– Конечно.

– Даже «конечно»... – покачал головой Тимченко. – Честно говоря, я бы предпочел, чтобы это воспоминание растаяло, так сказать, в дымке ваших более поздних впечатлений. Но не в этом суть. Суть в том, что мы тогда говорили о... ну, вы помните.

– Помню, – кивнула я. – О пресмыкательстве.

– Вот-вот. Что ж, тогда имелись некоторые основания для подобных настроений. Некоторые проблемы... гм... с дыханием, что ли. Понимаете?

Я снова кивнула, хотя понимала весьма и весьма приблизительно. А то и вовсе не понимала ни черта. Зачем он говорит это все? Как будто хочет извиниться. Но за что? За ту случайную встречу в рюмочной? За то свое «тоже»? Как-то не в стиле Челентано вести подобные беседы...

– Зато теперь все изменится, – продолжал Тимченко. – Вы даже не представляете, какие предстоят перемены. Теперь, наконец, наведут порядок. Ведь от чего у нас проблемы? От бардака. От воровства. От низкой дисциплины. Люди просто не хотят работать. А почему не хотят? Потому что не видят движения. Все как будто застыло и... пресмыкается втуне. Но стоит начаться движению, и вы сразу увидите, как все изменится. Пришло время молодых, инициативных, умных людей, с характером и способностями. Таких, как вы. Верьте мне, Романова, я знаю, о чем говорю. Вы позволите дать вам совет?

Что ж, гулять так гулять. Я тряхнула сумочкой с зачеткой:

– После такого легкого экзамена я готова позволить вам намного больше.

Тимченко усмехнулся и погрозил пальцем:

– А вы проказница, Александра. Учту вашу щедрость на будущее. Но сейчас, пожалуй, ограничусь советом. Вы скоро защитите диплом и поступите на работу. Так вот: не ныряйте в болото. Сейчас много всяких контор, где не делают ничего. Играют в шахматы, забивают козла, имитируют бурную деятельность, бухают по-черному и не делают ничего. Пресмыкаются втуне. Понимаю, на первых порах это соблазнительно: уйма свободного времени, не нужно надрываться, рано вставать, поздно ложиться... Но это болото, а сейчас не время для болота. Сейчас время для взлетно-посадочной полосы. Понимаете? Забудьте про болото и ищите своих людей.

– Своих людей?

– Ну да. Тех, кто тоже думает о взлете. А не найдете – приходите ко мне, помогу по старой памяти. Вот так. Точка, конец сообщения.

Я вышла из аудитории, не зная что и думать. Ай да Тимченко, ай да сукин сын! В этого институтского Адриано Челентано были тайно или явно влюблены почти все студентки с нашего потока. Меня же как-то бог миловал: наши отношения с Анатолием Анатольевичем никогда не выходили за рамки ровного взаимного уважения. И вот на тебе – ухитрился напоследок не на шутку взволновать мою невинную девичью душу. «Не ныряйте в болото»... Легко сказать! Согласно распределению, мне было назначено уже с первого апреля приступить к работе в почтовом ящике № 758 – иными словами, в лаборатории Грачева. То есть в болоте, где, пользуясь весьма точным описанием Тимченко, играют в шахматы, забивают козла, бухают по-черному и не делают ничего полезного, пресмыкаются втуне.

А сейчас, видите ли, не время для болота. Сейчас время искать своих людей. Допустим. Но кто они, эти «свои люди»? Сам Тимченко? И кто тогда «свои» для него самого? Если уж откровенно, то как может обычный советский аспирант получить направление в Японию? Да никак – вот как. Для такого хитрого выверта судьбы он непременно должен быть необычным советским аспирантом. То есть либо сыном кого-то очень важного, либо каким-нибудь штирлицем. Какой из этих двух вариантов верен для нашего героя-доцента? Уж никак не первый: будь Анатолий Анатольевич сыном какого-нибудь Анатолия Председателя Политбюровина, об этом точно стало бы известно. Остается штирлиц. Вывод: «свои люди» Анатолия Анатольевича Тимченко гнездуются в большом сером доме в начале Литейного, то есть там, куда меня саму совсем недавно с понтом привезли на черной-пречерной «Волге». А то и в московском аналоге этого дома на Лубянке.

Этим, собственно, и объясняются его «ливайсы», пиджаки, галстуки и иронические усмешки, а также общая атмосфера заграничной либеральной вальяжности, которая дозволена в институте только ему и никому более. «Теперь все изменилось», – сказал Тимченко. Понятное дело – к власти пришли наконец «свои люди»...

Что ж, если искать следует именно их, то совет Анатолия Анатольевича запоздал: они нашли меня сами. Вот только зачем?

Первым и, видимо, главным следствием разговора с безымянным седовласым полковником и его помощником Сережей стала для меня потеря ощущения дома. Дома как уютного убежища, где можно закрыться, запереться, задернуть шторы, прижаться к маме под пледом и чувствовать себя защищенной от каких бы то ни было внешних безобразий. Ясно, что это представляло собой не более чем иллюзию. Ясно, что и тогда, до прослушанной в Большом доме записи, я теоретически сознавала, что внешние безобразия могут в любой момент стать внутренними. Что они могут позвонить в дверь, а если не откроешь – высадить ее топором. Что они могут по-хозяйски войти, встать грязными сапогами на ковер, на диван, на скатерть. Могут заорать, оскорбить, ударить, забрать, убить. Могут сделать с тобой все что угодно.

Но, как выяснилось, никакое теоретическое знание не в состоянии подготовить тебя к практическому опыту. Теория – это то, что возможно только в принципе, причем со всеми и с каждым. А там, где речь идет о всех и каждом, уже не так и страшно. Потому что если со всеми, то и поделаться ничем нельзя, а значит, надо просто зевнуть, поплотнее закутаться в плед и думать о чем-нибудь другом, более веселом. Но попробуй-ка отнесись с таким же равнодушием к тому, что происходит конкретно с тобой!

Попробуй зевни, когда ты точно знаешь, что чьи-то чужие уши вслушиваются в этот зевок! И не только в зевок – в каждое слово, в каждый шаг, в звон тарелок на кухне, в чавканье рта, в скрип кровати, в рев сливного бачка... К этому трудно привыкнуть. Жить с оглядкой вне дома еще куда ни шло – но дома?.. дома?.. – на то они и существуют, твои личные четыре стены, чтобы перестать оглядываться. Теперь я была лишена этой возможности.

Конечно, я сразу же предприняла целый ряд дурацких действий – больше для собственного успокоения. Выбросила два наших телефона и купила новые. Тщательно осмотрела люстры, мебель и плинтусы. Переклеила обои у себя в комнате. И, конечно, ничего не нашла. Возможно, жучки были в выброшенных телефонах. Возможно, их уже демонтировали. Что не подлежало никакому сомнению, так это способность соответствующих людей возобновить прослушку в любой удобный для них момент. В любой. Я чувствовала себя совершенно беспомощной перед лицом этой всеобъемлющей вездесущей силы, насмешливо наблюдающей за моими глупыми попытками предотвратить неотвратимое.

А может, это и было их целью: выбить меня из колеи, лишить душевного равновесия? После того разговора они оставили меня в покое, как будто ничего не было. Впрочем, а что, собственно, было? Предложение полковника о сотрудничестве так и осталось устным: я ничего не подписывала, ни с чем не соглашалась, не принимала на себя никаких обязательств. Да и что они могли мне поручить? Я и сама-то понятия не имела о природе своей способности убивать. Откуда она берется? Как работает? Где гарантия, что она не пропадет так же внезапно, как появилась? Допустим, полковнику кровь из носу нужно с кем-то расправиться. Неужели он возложит эту задачу на столь ненадежного киллера? Вряд ли. Куда спокойней положиться на проверенные методы и проверенных людей. Вполне вероятно, что они рассматривают меня как самую последнюю возможность, когда все прочие способы уже опробованы и отвергнуты...

Этот вариант понравился мне настолько, что я постепенно убедила себя в его истинности. В самом деле, так ведь можно всю жизнь просидеть на скамье запасных. А если, паче чаяния, вдруг вызовут и скомандуют выходить на поле, то всегда можно отвертеться, сказать, что не получилось. Сверхъестественной силе не прикажешь, товарищ полковник. Она или есть, или нет. Сегодня – нет, извините. Я и сама ничего не понимаю...

Решив это для себя, я вздохнула свободней. А потом подтвердилось, что человек привыкает ко всему – даже к мысли о невидимых «жучках» у себя под боком. Где-то я слышала рассказ оператора-документалиста о том, что сначала люди стесняются, а потом вдруг перестают замечать камеру и тогда уже ведут себя совершенно естественно. Вот и я так же: сначала стеснялась, а потом перестала думать об этих микрофонах. Потому что иначе с ума сойти можно. Черт с ними, пусть слушают. Наплевать.

Защита диплома прошла без приключений, и первого апреля я вернулась в знакомый полуподвал в Мариинском проезде – уже в качестве младшего научного сотрудника грачевской лаборатории.

Дело было в пятницу. По дороге я вышла купить торт в «Метрополе» и потому немного задержалась. Впрочем, по моему прошлому лабораторному опыту, даже около половины десятого в полуподвале присутствовали лишь двое: секретарша Вера Пална и завлаб Грачев, опохмеляющийся в запертом кабинете. Остальные обычно подтягивались ближе к полудню.

Тем удивительней было обнаружить там рабочий коллектив почтового ящика № 758 в его полном боевом составе! Вера Пална, завидев меня, всплеснула руками:

– Сашенька! Я и забыла, что ты сегодня начинаешь! – Она бросила взгляд на часы. – Опоздала, конечно, но первый день не в счет, ерунда. Давай торт, в холодильник поставлю...

– Что случилось, Вера Пална? – поинтересовалась я. – Откуда столько народу? Зарплату дают? Премию?

Секретарша округлила глаза и прошипела свистящим шепотом:

– Суд! Товарищеский! Явка обязательна!

Судили старшего научного сотрудника Беровина Дмитрия Григорьевича – а проще говоря, нашего Димушку. Как успел поведать мне Троепольский, две недели тому назад Димушка ездил в командировку в город Владимир в какой-то тамошний НИИ. Реальных производственных причин для командировки не было и быть не могло: владимирский инсти-

тут занимался точно тем же, что и наша лаборатория, то есть ничем. Пресмыкался втуне. Возможно, именно эта схожесть и подразумевала общность интересов: владимирцы интенсивно ездили в командировки к нам, а мы, соответственно, к ним.

– Таких рабочих партнеров у нас – по всей стране, – подмигнул Троепольский. – Самые ценные – в Закавказье. Тбилиси... Ереван... Ах, Сашенька...

Глаза его затуманились, и я была вынуждена дернуть коллегу за рукав, чтобы услышать продолжение.

– Да-да, вот я и говорю... – возбужденно шептал он, склоняясь над девственно чистым рабочим столом. – Нормальные люди ездят в Закавказье за винами, в Кишинев за фруктами, в Ташкент – поесть шашлыков и лагмана. А этому, видишь ли, подавай древнерусскую архитектуру. Еврей, ничего не поделаешь. Советского еврея-интеллигента хлебом не корми, а дай приобщиться к великой русской духовности...

– Погоди-погоди, – перебила я. – Какой же Димушка еврей? У него ведь крестик на шее. Я сама видела.

– Ну вот! – подхватил Троепольский. – А я что говорю? Хлебом не корми, а дай приобщиться...

Из дальнейшего рассказа следовало, что Димушка, чин чинарем вселившись в гостиницу и отметив в отделе кадров командировку, со спокойным сердцем отправился фотографировать памятники древней культуры. В процессе приобщения к архитектурному облику одноименного Дмитриевского собора к Димушке подвалили два отнюдь не древнерусских дружинника – без кованых шлемов и мечей, зато с красными повязками и милицейскими свистками. И, подвалив, попросили предъявить документы.

Удивленный Димушка достал командировочное предписание, отмеченное, как уже сказано, чин чинарем.

– Ага, – сказали дружинники, изучив предписание, – стало быть, вам, гражданин, положено в настоящий момент находиться по месту прохождения командировки. В то время как вы находитесь по месту отдыха туристов, горожан и гостей нашего города. Пройдемте, гражданин.

С этими словами Димушку отвели в отделение милиции, где продержали до вечера и отпустили, составив протокол о злостном прогуле с занесением в летопись владимирского УВД.

Сочтя происшедшее досадным недоразумением, Димушка продолжил знакомство с памятниками. Вдоволь приобщившись к Владимиру, он съездил на автобусе в Боголюбово, Суздаль и Гусь-Хрустальный, а неделю спустя, усталый, но обогащенный новым духовным опытом, выписался из гостиницы и сел на поезд, идущий в Питер. К тому времени он и думать забыл о странных владимирских дружинниках. А зря. Немедленно по возвращении его срочно вызвали к начальнику отдела кадров нашего головного НИИ. На столе у начальника лежала копия злосчастного протокола.

– Будь вы менее ценным сотрудником, вас уволили бы немедленно, – с оттенком сожаления сказал кадровик. – Но почти двадцать лет безупречной службы что-нибудь да значат. Тем не менее, Дмитрий Григорьевич, мы не вправе не отреагировать на сигнал. Ваша командировка аннулируется. Затраты на нее будут вычтены из вашей заработной платы, включая деньги за билеты, проживание в гостинице, а также суточные и другие расходы. Вся неделя, таким образом, засчитывается как прогул. Вы лишаетесь прогрессивки, квартальной премии и тринадцатой зарплаты. По-видимому, будет и товарищеский суд, но это уже не мне решать...

Все это Троепольский рассказывал в лицах. Каменел физиономией, изображая начальника, злорадствовал в роли владимирских дружинников, но лучше всего у него получался вид горестного недоумения несчастного Димушки.

– Представляешь? – шептал он. – Мы с Димушкой прикинули, на сколько он влетел. Триста пятьдесят минимум. Это ж как на юг семью послать, на все лето! Как тебе это нравится?

Я пожала плечами. Как такое может понравиться?

– Говорят, такое теперь повсюду, – продолжал Троепольский. – Не только с командированными. Новые указания по наведению дисциплины. Другие люди, другие порядки.

«Не другие, – подумала я, – свои. Свои люди, о которых говорил Тимченко».

– Вот видите, – сказала я вслух. – А вы говорили, Ка-Гэ-Было, так и будет...

Троепольский сморщился:

– Ой, Сашенька, давай на «ты». Мы ведь теперь коллеги, свои люди. А что до Ка-Гэ-Было, то действительно так и будет. Все эти нововведения временны, вот увидишь. Это ж только говорится, что новая метла по-новому метет. Мести-то она метет, но только пока не истрепалась. А истрепаться об нас – раз плюнуть...

Товарищеский суд над Димушкой проходил в самом большом помещении полуподвала. Столы сдвинули соответствующим образом: в торце комнаты – президиум, слева – место для секретаря, справа – для подсудимого. В принципе, Димушке можно было бы просто поставить стул, но какой же суд без «скамьи подсудимых»? Поскольку скамьи у нас не нашлось, ее составили из трех стульев; бедный Димушка примостился на краешке среднего. Вести протокол поручили Вере Палне. Из трех человек, заседавших в президиуме, я знала только одного: техника нашей лаборатории Степаныча. В полуподвале ему был выделен особый угол с верстаком и станочками, где Степаныч время от времени что-то мастерил – по всей видимости, налево. Троепольский именовал его лучом пролетарского света в темном царстве гнилой интеллигенции. Как выяснилось, помимо этой осветительной функции, Степаныч исполнял роль секретаря лабораторной партчейки.

Вторым заседателем, как объяснила мне Зиночка, была женщина из институтского профкома, а руководил судебной тройкой и вовсе кто-то пришлый – «из района»: молодой человек в спортивной куртке, чем-то неуловимо напоминавший оперуполномоченного Сережу. Когда все расселись, он кивнул профкомовской тете, и та открыла заседание:

– Просьба к секретарю доложить соответствие наличного состава списочному.

Не уверена, что многие здесь могли бы понять смысл этой удивительной фразы, но Вера Пална не оплошала:

– Состав соответствует списочному. Двадцать шесть сотрудников, двое на больничном, один в декрете.

– Одна... – робко поправил кто-то.

– Вам, товарищ, слова не давали, – оборвала его профкомовская тетя и покосилась на Из-района. Тот кивнул, и тетя снова повернулась к Вере Палне. – Значит, в декрете двое?

– Нет, один, – стояла на своем секретарша. – Один сотрудник согласно списочному составу. Вот, пожалуйста: Сергеева Валентина.

Вера Пална ткнула пальчиком в лист бумаги. Димушка подавил страдальческий вздох, а Из-района улыбнулся вполне человеческой улыбкой и шевельнул пальцем. Движение было едва заметным, но профкомовская уловила и, видимо, безошибочно истолковала этот знак.

– Есть предложение заслушать характеристику по качеству производственных показателей, – проговорила она, оборотившись к завлабу Грачеву.

Грачев, сидевший в первом ряду, встал и принялся излагать характеристику производственных показателей нашего Димушки. Из речи завлаба выходило, что если прогрессивное человечество пока еще живо, то исключительно благодаря неустанным усилиям Дмитрия Григорьевича Беровина. Зал одобрительными кивками подтверждал слова руководителя.

– Под конец скажу, что все мы люди, а людям свойственно ошибаться, – Грачев жалобно скривил пергаментно-желтое лицо. – Дмитрий Григорьевич ошибся, и ошибся сильно. Но

он полностью признал свою вину и понес тяжелое наказание по административной линии. Предлагаю ограничиться выговором с предупреждением.

Все посмотрели на тройку. Степаныч сидел с абсолютно непроницаемым лицом. Его неподвижный, устремленный поверх голов взгляд заставлял предположить, что пролетарская совесть нашего коллектива ни в коем случае не намерена высказываться по пустякам. Профкомовская женщина искоса следила за реакцией товарища Из-района. Последний лучезарно улыбался. Пауза затягивалась. Наконец профкомовская не выдержала.

– Послушать руководителя среднего звена, так речь идет об ангеле во плоти, – язвительно проговорила она. – Непонятно только, как такие выдающиеся качества привели гражданина Беровина на скамью подсудимых!

Троепольский поднял руку.

– Можно я скажу? На правах, так сказать, коллеги по работе. Известно, что наши недостатки – продолжение наших достоинств. Именно этим можно объяснить проступок Дмитрия Григорьевича. Он отметил командировку, но, насколько я понимаю, рабочие встречи с владимирскими коллегами должны были начаться только вечером. Все тут знают, что Дмитрий Григорьевич – большой любитель и знаток древней русской культуры. Это, конечно, его достоинство как культурного человека. Да, я согласен, что это достоинство перешло в недостаток, ибо проявило себя в рабочее время, что, конечно, непростительно. Но, как неопровержимо свидетельствуют наши владимирские коллеги, Дмитрий Григорьевич постарался искупить содеянное ударной работой во все остальные дни командировки. Учитывая это, я всемерно поддерживаю предложение заведующего лабораторией и лично беру товарища Беровина на поруки.

– На поруки! – возмущенно фыркнула профкомовская, но тут же осеклась, увидев шевельнувшийся палец товарища Из-района.

– А что, на поруки – это мысль, – негромко сказал Из-района. – Как ваша фамилия, товарищ?

– Троепольский.

– Троепольский. Так вот, товарищ Троепольский, ваше предложение означает именно поруку. То есть в случае повторения подобных инцидентов наказаны будете непосредственно вы. А также весь коллектив, я так понимаю? – Из-района повернулся Степанычу. – Так, Василий Степанович?

Степаныч молчал, не отводя взгляда от неведомой точки на линии слияния потолка и дальней стены.

– Василий Степанович? – не отставал председатель. – Вы меня слышали?

Степаныч разжал крепко стиснутые челюсти и веско отчеканил:

– Я поддерживаю в связи со следованием.

В комнате наступила тишина: все были крайне впечатлены многозначностью этого заявления, а товарищ Из-района даже причмокнул.

– Умеет, черт! – восхищенно выдохнула рядом со мной Зиночка. – Вот что значит опыт...

– Ладно, – сказал Из-района, – давайте закругляться. Мы ведь зачем здесь собрались, товарищи? Кто-то, может быть, думает, что цель этого собрания – осудить товарища Беровина. Но это не так. Цель этого собрания – предупредить вас всех. Потому что дальше так продолжаться не может. И я искренне рассчитываю, что вы меня хорошо услышали. Товарищ Беровин наказан, и наказан сильно. Но в случае повторения подобных нарушений дисциплины мы будем вынуждены принять еще более крутые меры. В рабочее время надо работать – только и всего. Просто, не правда ли? И те, кто нарушает это простое и понятное правило, будут увольняться. С соответствующими записями в трудовой книжке.

Он взглянул на профкомовскую тетю.

– А вам, Татьяна Валерьяновна, на будущее: проводить собрания в рабочее время непозволительно. Хотите что-то донести до сотрудников – нет вопросов: соберите их после работы. Понятно?

Татьяна Валерьяновна сглотнула и закивала. Товарищ Из-района встал. Суд закончился.

– Так что писать в решении? – влезла недоумевающая Вера Пална.

– Вы же слышали: выговор... – бросил на ходу Из-района. – И про поруку не забудьте. Про поруку!

Как же... попробуй забудь про такое. Мы молча принялись расставлять по местам столы и стулья.

– Не знаю, как кого, но меня поражает легкость, с которой рабочее помещение превращается в зал суда и обратно, – пошутил Троепольский.

Димушка сидел с подавленным видом и даже не предлагал сыграть в шахматы.

– Веселей глядите, коллега, – подбодрила его Зиновья. – Все могло закончиться намного хуже. И вообще – последний выговор был даже не вам, а нашей профкомовской даме... как ее... Татьяне Валерьяновне. Не зря она так быстро ретировалась.

– Наверно, пьет сейчас валерьянку! – подхватил Троепольский. – Что ты, Димушка, в самом деле... выше нос! Зиновья права: как говорил Штирлиц, запоминается всегда последнее.

Димушка уныло покивал головой.

– Легко вам говорить... Выговор-то черт с ним. А вот прогрессивка... премии... тринадцатая зарплата... А мы с Катей думали диван-кровать купить. «Наташу»...

– Подумаешь, беда! – не унимался Троепольский. – Полежишь пока на Кате, Наташа всегда успеется. Какие наши годы?! Эй, Димушка! Знаешь что? Мы тут в комнате, как взявшие на поруки, берем социалистическое обязательство бесплатно поить тебя до конца пятилетки!

– Эй, эй! Обязательства должны быть реалистическими, – возразил кто-то из дальнего угла. – Хватит ему и до конца года.

– Пусть будет до конца! Единогласно! – Троепольский подмигнул и добавил шепотом: – А там посмотрим... Ну, чувак, улыбнись!

Димушка слабо улыбнулся.

– Ну, слава богу, черту и святым угодникам! – Троепольский подхватил портфель. – Начинаем прямо сейчас! Айда в гастроном! Вместе! Сам выберешь, что тебе по вкусу...

– Подождите, мальчики, – сказала Зиновья, сильно понизив голос. – Мне тут с утра позвонили. К половине двенадцатого должны выбросить сосиски. Дают всего кило в одни руки, а мне чем больше, тем лучше. Если вы все равно туда идете, то, может... Если, конечно, вам не трудно. Сашенька, а вам не надо?

Зиновья, интеллигентная, со вкусом одетая женщина, была в лаборатории старшей по возрасту – ей оставалось совсем немного до пенсии. Судя по объему авосек и пакетов, которые я помогала ей грузить в трамвай в конце каждого рабочего дня, Зиновья обеспечивала продуктами довольно большую семью. За годы службы в Мариинском проезде она выстроила себе в окрестных магазинах настоящую агентурную систему, которая регулярно поддерживалась подарками к праздникам, взаимными услугами, а то и просто хорошим отношением.

И вот теперь: нужны ли мне сосиски... А почему бы и нет? Это был мой первый рабочий день, начало длинного этапа взрослой жизни – этапа, который когда-нибудь завершится вот таким же обликом интеллигентной, со вкусом одетой старшей научной сотрудницы с морщинистым лицом и крашеными волосами, матери детей и бабушки внуков, обвешанной гроздьями сумок, авосек и пакетов. От Сашеньки до Зиновьи – какие-то жалкие тридцать

лет, оглянуться не успеешь. Так что давай, Саша, впрягайся с первого дня. Скоро старшая подруга и предшественница уйдет на пенсию – надо успеть перенять знакомства, адреса и явки. Сейчас из гастронома звонят ей – через годик-другой будут звонить тебе. «Алло, Александра Родионовна? Сосиски завезли, в полдвенадцатого выкинут. Кило в одни руки, так что приведите подмогу...»

Боже, какая тоска... какая во всем этом тоска-тощища! Господи!

Мы вышли из полуподвала вчетвером: Зиновья, я и Троепольский с пока еще унылым Димушкой. В гастрономе пришлось разделить на две очереди: портвейн «Акстафа» в винном давали тоже по одной бутылке в руки. Минут через сорок мы вывалились из магазина – изрядно помятые и растрепанные, зато с четырьмя бомбами винища и четырьмя килограммами сосисок в целлофане. Троепольский сиял, как набор медалей на винной этикетке.

– Я горжусь нами, коллеги! Портвейн высшего качества! Димушка, ты хоть понимаешь, чем тебя взяли на поруки? Бормотухой высшего качества и сосисками в целлофане!

– Сосиски не отдам, – твердо сказала Зиновья. – Сосиски детям. А мы и печеньем закусим, не впервой.

– Фу, Зиновья... – начал было Троепольский, но тут же осекся.

Мы и моргнуть не успели, как были окружены группой людей с красными повязками на рукавах.

– Ваши документы, граждане.

Димушка смертельно побледнел и покачнулся.

– Вы что, пьяны, гражданин? – сказал один из подошедших к нам парней, подхватывая Димушку под локоть.

– Я... я... – лепетал тот. – Я... нет...

– Точно, пьян в драбадан, – констатировал другой дружинник, в кроличьей шапке-ушанке. – Лыка не вяжет. А еще интеллигент.

– Да что вы, ребята, – с фальшивой улыбкой произнес Троепольский. – Мы с утра ни капли. Димушка, дыхни! Нехорошо стало человеку, вот и все. Душно в магазине, давка, вот и сморило. Мы пойдем, а?

– Конечно, пойдете, – ухмыльнулся мужик в кроличьей шапке. – По этапу. Дзынь-дзынь. Шаг влево, шаг вправо – конвой стреляет без предупреждения. Документы давайте.

– Мужчина, документы у нас на работе, – с достоинством ответила за всех Зиновья. – У меня в сумочке, у него вот... в ящике стола. И зачем вам документы? Вы в чем-то нас подозреваете?

– Да, в ящике стола! – подтвердил Троепольский, перекладывая из руки в руку тяжелый портфель, отчего тот предательски звякнул портвейном высшего качества.

– Чего ж так – в ящике оставил? – поинтересовался первый парень. – В портфеле не поместились? А ты в следующий раз на бутылку меньше бери. Значит, нет документов. Придется пройти в отделение.

– Но это форменное безобразие! – возмутилась Зиновья. – За что вы нас задерживаете? Мы ничего не нарушали.

Мужик в кроличьей шапке крепко взял ее за рукав.

– Не нарушали, говоришь? Документы на работе, говоришь? А сама ты почему не на работе? По гастрономам шастаете, портвешок закупаете? А время-то рабочее, оплаченное государством... Что молчите? А? Кто-нибудь еще хочет выступить, на безобразия пожаловаться? А? Не слышу...

Мы молчали, подавленные внезапной напастью, свалившейся на нас неизвестно откуда и неведомо за что. Зиновья смотрела изумленно: по-моему, она ждала, что это нелепое представление вот-вот кончится, что окружившие нас люди рассмеются, снимут красные повязки и всё обернется шуткой – дурацкой, обидной, но шуткой. Сегодня же Первое апреля, День

дурака, праздник розыгрышей. Не может быть, чтобы такая из ряда вон выходящая чушь происходила всерьез. Но нас и в самом деле волокли в ближайший милицейский участок!

Лицо несчастного Димушки выражало отчаяние и безысходную покорность судьбе. Он уже проходил подобное приключение во время командировки во Владимир, но, видимо, и представить себе не мог, что это может повториться дома, в окрестностях родного, изхоженного вдоль и поперек Таврического сада. Даже обычно словоохотливому Троепольскому было нечего сказать. А я так и просто не знала, что подумать. Ничего себе первый рабочий день, начало самостоятельной жизни! Товарищеский суд в качестве пролога, следующий акт – ментовка... Это ж какой тогда будет развязка?! Расстрел? Изгнание?

Я вдруг вспомнила рассказ Троепольского – адресованные Димушке слова начальника отдела кадров: «Будь вы менее ценным сотрудником, вас уволили бы немедленно...» Значит, меня теперь уволят – ведь я всего лишь молодой специалист, ни стажа, ни заслуг? Наверно, это будет самая короткая рабочая карьера в истории. Смех, да и только. Еще и торт в «Метрополе» купила, дура. А впрочем, почему дура? Наоборот, очень кстати: всего один торт и на поступление, и на первую получку, и на все последующие поводы, включая дни рождения, повышения и отвальную в связи с выходом на пенсию. Еще ни одному сотруднику в мире не удавалось отделаться так дешево...

Наша торжественная процессия двигалась по улице Красной Конницы – слава богу, пешком, хотя в соответствии с названием пленников могли бы и привязать к хвостам лошадей Конармии Буденного. Встречные, пока еще свободные прохожие, провожали нас осуждающими взглядами: как же, преступников ведут! Какая-то бабушка с кошелкой остановилась, спросила:

– Кого поймали-то, ребята?

– Тунеядцев! – гордо отвечал дружинник в кроличьей шапке. – Интеллигенты паршивые. Их народ кормит-поит-учит, а они, вишь, на шее сидят, кровососы. Бездельники.

– Ну и верно! – закивала бабка. – Сталина на них нету. При Сталине-то, небось, не бездельничали...

– Давай-давай, шагай! – прикрикнул дружинник, подталкивая Троепольского в спину. – Ишь ты... еле идет. Как по лабазам шастать, так шустрые, а как отвечать, то ноги заплетаются.

– А ты его в шею, в шею! – посоветовала вслед добрая бабушка. – Когда в шею, они сразу понимают...

– Сколько злобы... – пробормотала идущая рядом Зиновья. – Откуда? За что?

И в самом деле – чему они так радовались, эти люди в красных повязках, эти прохожие? Еще минуту назад мы были точно такими же, как они: шли рядом с ними по тому же тротуару, стояли нос в спину в той же очереди в том же гастрономе, плечом к плечу в том же трамвае... Почему же они с такой легкостью перевели нас в категорию врагов, чью беду нужно праздновать, как свою победу? Что мы им сделали плохого? Наступили на ногу в очереди? Отхватили лишнее кило сосисок в целлофане? Заняли свободное место в трамвайном вагоне? За что?

В участке нас завели в «обезьянник» – помещение со скамьями, привинченными к полу вдоль трех его стен; четвертую занимало большое зарешеченное окно. В комнате уже находились десятка полтора женщин и мужчин.

– О! Тунеядцев привели! – приветствовал нас ханыжного вида мужичок, устроившийся в углу. – Садитесь, господа хорошие, к народу поближе. Закурить не найдется?

– Куда садиться-то? – растерянно проговорил Троепольский, оглядывая «обезьянник».

Все сидячие места действительно были заняты, причем мужичок сидел с удобствами, взгромоздив на скамью ноги в черных потрепанных ботах. Вопрос тунеядца доставил ему немало удовольствия.

– А на пол чего не сесть? Садись на пол, милоч, не брезгуй. А что наплевано, так то ж народ наплевал. Народом не брезгают... Так что там с куревом?

Мы вчетвером сбились в кучку возле решетки.

– Черт знает что... – тихо проговорила Зиночка. – Нужно срочно позвонить... кому-нибудь.

– Кому? – печально усмехнулся Димушка.

– Ну, не знаю... Грачеву.

– И что мы ему скажем? – спросил Димушка. – Что нас час спустя после товарищеского суда задержали за тунеядство? С сосисками и четырьмя бомбами бормотени?

– «Акстафа» – не бормотень, – запротестовал Троепольский. – Портвейн высшего...

– Заткнись... без тебя тошно... – перебил его Димушка и стал раскачиваться, зажав голову в ладонях. – Боже, как это не вовремя, как не вовремя...

Теперь он действительно стал ужасно похож на еврея – и неважно, сколько при этом на нем было навешено крестов. Зиночка осторожно тронула Димушку за плечо:

– Ну что уж вы так убиваетесь, Дима? Что нам за это могут сделать? Максимум – запишут прогул. Неприятно, но переживем. А скорее всего, просто выпустят без каких-либо последствий. Разберутся и выпустят. Ведь мы ни в чем не виноваты...

– Давайте так... – возбужденно зашептал Троепольский. – Давайте договоримся. Нужно говорить одно и то же, чтоб без путаницы. Нас командировали...

– Какое «командировали»... – простонал Димушка. – Не городи чепухи. У тебя есть командировочное предписание в винный отдел?

– Ладно, не командировали. Скажем: послали. Рабочий коллектив послал нас...

– Эх, сказал бы я, куда нас послал и, главное, пошлет рабочий коллектив, – злобно прошипел Димушка. – Сказал бы, но при женщинах не могу...

Троепольский нетерпеливо фыркнул:

– Слушай, не цепляйся к словам. Главное – говорить одно и то же, чтоб не заподозрили.

– Заподозрили? – испугалась Зиночка. – В чем нас могут заподозрить?

– Да в том-то и дело, что ни в чем! – Троепольский зачем-то оглянулся на мужичка в ботах. – Скажем так: сегодня у нашего рабочего коллектива праздник. Приход новой сотрудницы. Вот она, Сашенька, налицо. Скажем дальше: профсоюзный комитет лаборатории командиро... послал... черт, Димушка, ты меня совсем запугал!.. а, вот: поручил! Поручил! Поручил нам обеспечить материальную базу. Для праздника по окончании рабочего дня. Причем закупка продуктов производилась в счет законного обеденного перерыва. Вот и все. Запомнили?

– А что, звучит логично, – поддержала его Зиночка. – Умница Троепольский.

Димушка снова испустил приглушенный стон.

– Вы что, еще ничего не поняли? – Он обвел нас взглядом, полным отчаяния и боли. – Ничего-ничегошеньки? Мы все пропали. Все четверо. Меня уволят с гарантией – после владимирской истории, протоколов, санкций и судов это совершенно неизбежно. А поскольку нас поймали сразу после суда, то припишут еще и особый цинизм. А особый цинизм – это уже пахнет антисоветчиной. Да-да, Троепольский, антисоветчиной! И вас притянут ко мне как к рецидивисту. Без меня вас бы еще могли пожалеть, со мной – никогда. Со мной – это уже групповуха, организованная преступность. Они там любят раскрывать организации. Вот мы вчетвером и организация. Банда «Черная кошка»...

– Ну, ты напридумывал, – неуверенно проговорил Троепольский и смолк.

Молчала и Зиночка.

– Теперь дошло? – Димушка крутанул головой. – Вижу, дошло. Вот к этому и готовьтесь. К увольнению, к волчьей записи в трудовой книжке. Зиночка, сколько вам осталось до пенсии?

– Два года.

– Не страшно. А вот тебе... – Он перевел взгляд на Троепольского. – Прости, чувак. Подвел я тебя с этой командировкой...

– Так что с куревом, интеллигенты? – крикнул сзади мужичок в ботах. – Давайте лучше сейчас скурим. В камере один хрен отнимут. Жалко, пропадет.

– Ну что вы мелете, в какой камере? – упрекнула его Зиночка. – Нас скоро выпустят.

– Хе-хе... выпустят... – захихикал мужичок. – На кирпичный заводик тебя выпустят, барыня, территорию убирать. Пятнадцать суточек, как одна копеечка. Я уж таких знаешь сколько навидался?

К решетке подошел мент с блокнотом и авторучкой.

– Кто тут новенькие тунеядцы? Вы, что ли? Давайте оформляться... – Он ткнул концом авторучки в сторону Троепольского. – Ты, с портфелем, выходи. Посмотрим, что там у тебя звякает.

Троепольский вернулся спустя четверть часа. Глаза его блуждали, лицо пошло красными пятнами.

– Что такое?

– Обыскали... – тихо выдавил он. – Как зека какого-нибудь. Все из карманов забрали. И портфель... портфель тоже... Сказали – на пятнадцать суток оформлять будут. Новый порядок.

– Я ж говорил! – торжествующе заметил мужичок в ботах. – Хоть курево-то оставили? Курево тебе по закону положено. Надо скурить, слышь, интеллигент. Отнимут ведь в камере, жалко.

Меня повели третьей, после Зиновки. В маленькой комнате сидел за столом усталый молодой лейтенант.

– Фиу, фиу... – присвистнул он, не поднимая головы.

Я оторопела: они что тут, по-птичьи объясняются?

– Как вы сказали?

– Фио, – повторил он, занеся ручку над разграфленным листом протокола. – Фамилия, имя, отчество.

– Ах, это...

Я послушно ответила на вопросы. Затем лейтенант отложил ручку и посмотрел на меня.

– Совсем молоденькая, а туда же.

– Куда же? – жалобно спросила я. – У меня сегодня первый рабочий день. Я торт в «Метрополе» купила.

– Торт с собой? – оживился мент.

– Нет, в лаборатории, в холодильнике.

– Жаль, – сказал он. – Съели бы здесь. А теперь пропадет. Зачерстевает за полмесяца.

– Какие полмесяца?

Лейтенант сочувственно вздохнул:

– Новый порядок, подруга. Тунеядцев оформляем на пятнашку. Извини. Приказ начальства... – Он ткнул ручкой в потолок и неодобрительно покрутил головой. – Ладно, давай, выкладывай. Что там у тебя в карманах.

Я стала выворачивать карманы. Происходящее было настолько нелепо и неправдоподобно, что мне даже показалось, будто перед столом лейтенанта стоит какая-то другая Саша Романова. Она стоит и выворачивает карманы, а я смотрю со стороны и недоверчиво цокаю языком: быть, мол, такого не может. Вот она достает кошелек, перчатки, платочек, несколько медных монет, записную книжку... Записную книжку!

– Товарищ лейтенант, позвольте мне позвонить. Ну пожалуйста, очень прошу. У меня ж дома с ума сойдут, пожалуйста...

Я канючила так, что чуть и впрямь не заплакала. Лейтенант снова вздохнул и подвинул ко мне телефон.

– Ладно, давай, только быстро. Три минуты.

Номер оперуполномоченного Сергея Свиблова был записан где и положено, на букве «С».

– Ты что, домашний телефон на память не знаешь?

– Это мамин, рабочий. Недавно сменился... – успокоила я лейтенанта.

Только бы он был на месте... только бы он был на месте...

– Алло.

– Сережа? Это Саша Романова, – выпалила я. – Я звоню из отделения милиции, и мне нужна ваша помощь. Срочно.

– Где именно? – спросил он после секундной задержки.

– На улице Красной Конницы.

– Буду через четверть часа, – сказал Свиблов и разъединился.

Я осторожно положила трубку на рычаг.

– Спасибо, товарищ лейтенант. Видите, даже трех минут не понадобилось...

Мой рыбьеглазый опер прибыл в отделение даже немного раньше, чем обещал. Он сунул под нос дежурному свою красную книжечку и, едва скользнув взглядом по решетке «обезьянника», проследовал напрямик в кабинет начальника. А еще три минуты спустя туда же привели меня. В большой комнате рядом с большим столом стоял навтыжку капитан милиции; чуть дальше, возле окна, виновато переминался усталый лейтенант. Сидел только Сережа, зато сидел основательно, со вкусом, положив ногу на ногу и покачивая знакомым ботинком. Увидев меня, он тоже поднялся со стула.

– Я ее забираю. Где протокол?

Лейтенант протянул Свиблову листок, который Сережа немедленно скомкал и сунул в карман.

– Пойдемте, Романова.

– Сергей Владимирович, – сказала я, – можно вас на минуточку?

Мы отошли в угол комнаты.

– Сережа, со мной еще трое.

Он вытаращил на меня свои судачьи глаза.

– Какие трое? Вы что, все отделение намерены отсюда вытащить?

– Сережа, так не пойдет, – прошептала я по возможности твердо. – Эти трое тоже из лаборатории. Нас взяли вместе. Вы понимаете, как это будет выглядеть, если выпустят только меня? По-моему, ваш же начальник особо просил соблюдать секретность. Или я ошибаюсь?

Свиблов подумал и повернулся к ментам.

– Придется выпустить и остальных.

– Всех? – с готовностью вскинулся капитан. – Сколько их там, Костин?

– Девятнадцать, – отозвался лейтенант.

В его устремленном на меня взгляде уже не было прежнего сочувствия. Скорее брезгливость.

– Девятнадцать ни к чему, – с царственным великодушием ответил Сережа. – Хватит тех троих, которые были с нею. Романова, фамилии.

– Смирнова, Троепольский, Беровин.

– Вот их, – подтвердил Свиблов.

– И протоколы, – напомнила я.

– Протоколы принесете мне. Всё, Романова?

– Всё. Я пойду назад в камеру?

Сережа кивнул.

– Верните ее пока в камеру. Выпустите всех четверых через десять минут после моего ухода. Скажете, что на первый раз милиция ограничивается предупреждением. Исполняйте.

Нас отпустили полчаса спустя. Причина задержки обнаружилась позже, когда стали открывать бутылки «портвейна высшего качества»: в одной из них, вскрытой и потом на скорую руку закупоренной, оказалась вода. Зато четыре кило Зиновкиных сосисок в целлофане остались нетронутыми – как и наши четыре научно-производственные карьеры.

3

Он позвонил в июне. Уже несколько месяцев после беседы с седовласым полковником я брала телефонную трубку с опасением: а вдруг вызовут и потребуют что-нибудь этакое...

– Алло, – осторожно сказала я.

– Алло, императорка?

Мое сердце рухнуло в пятки, а затем подпрыгнуло вверх и заколотилось где-то у горла, мешая дыханию. Я и думать не думала, что так жду этого звонка.

– Алло, императорка? Александра? – повторил Сатек.

Я судорожно сглотнула и попробовала ответить, но вышло что-то нечленораздельное.

– Наверно, плохо со связью, – предположил он. – Я перезвоню.

– Алло! Алло! – завопила я, до смерти перепугавшись, что он сейчас повесит трубку.

– Ты меня слышишь? – спросил он. – Алло! Алло!

Нечеловеческим усилием воли я оттолкнула сердце от горла и прохрипела:

– Алло... алло...

Он немного помолчал.

– Алло, – повторила я.

– Эй, императорка, – голос Сатека звучал с оттенком нетерпения. – Даже если допустим, что ты забыла другие слова, кроме «алло», я все равно готов слушать тебя всю вечность.

– Привет, Святой Сатурнин.

– Ну, слава богу, – обрадовался он. – Уже какая-то беседа. Привет.

– Почему ты так долго не звонил?

Сатек озадаченно хмыкнул.

– Почему я не звонил? Ты на серьезе задаешь этот вопрос? Если я правильно помню, ты хотела выйти замуж за этого твоего Лыску.

– Лоську.

– Неважно. Важно, что не за меня.

– Ты не предлагал.

– Ты не разрешала мне таких возможностей.

– Не давала.

– Ну, а я что говорю?

– Ты сказал: «Не разрешала возможностей». По-русски говорят: «Не давала мне такой возможности».

Он ответил сердитым молчанием.

– Не злись, милый, – сказала я. – Я не собиралась учить тебя русскому языку. Просто я так рада тебя слышать, что плохо соображаю. Извини.

– Скажи это еще раз, – попросил он.

– Я плохо соображаю, извини.

– Нет, не это! Скажи то, как ты меня назвала.

– Милый.

– Еще!

– Милый...

– Еще!

– Хватит с тебя.

– Не хватит, – возразил Сатек. – Мне тебя никогда не хватит. Я не звонил, потому что ждал. Мне думалось так: ты поженишься где-то в декабре. Звонить до свадьбы без смысла. После свадьбы тоже. Надо поздравлять, а как я могу поздравлять такое? Потом ты должна

была понять, что этот Лыска не для тебя. Вернее, ты не для Лыски. Это еще месяц. Получается январь. Потом ты должна была бороться свое упрямство. Ты жутко упрямая императорка. Это еще половина года. Получилось, до июля звонить без смысла. Вот я и не звонил. А сейчас позвонил.

– Сейчас июнь, – напомнила я.

– Хоть февраль! – закричал он. – Хоть март! Я больше не могу ждать. Я позвонил спросить. Ты уже поняла, что Лыска не годен? Если да, то...

– Сатек, – перебила его я, – я не выходила замуж.

– Что?!

– Что слышал. Я не выходила замуж ни за Лыску, ни за Лоську. Я, как последняя дура, ждала твоего звонка. А ты не звонил и не звонил. Кто тут должен сердиться – ты или я?

Святой Сатурнин потрясенно молчал.

– Эй, – позвала я, – ты еще жив?

– Не знаю, – ответил он. – Ты можешь приехать?

– Куда, в Прагу? – рассмеялась я. – Ты что, забыл, где я живу? У нас это называется выезд за границу. Дозволено только ударникам. А я тунеядка.

– Что это – тунеядка?

– Неважно. Пресмыкаюсь втуне. Мне до Праги, как до неба. Приезжай ты.

– Куда, в Ленинград? – грустно спросил Сатек. – Ты что, забыла, где я живу? У нас это тоже называется выезд за границу...

Мы немного помолчали.

– Ладно, – сказала я. – Давай прощаться. Этак ты разоришься на международном тарифе. Целую тебя, милый. Позвонишь еще?

– Я люблю тебя, – сказал он. – Слышала?

– Нет, – ответила я. – Такие слова нельзя услышать по телефону. Они не пролезают в кабель...

Что-то щелкнуло, разговор прервался. Сжав трубку обеими руками, я стояла возле тумбочки в коридоре, и колени мои дрожали, а из телефона слышались ритмичные частые гудки... – нет, не гудки – гудит паровоз... – слышались стуки, крики, вопли моего защемленного сердца, как из аппарата реанимации.

«Нужно сесть на стул», – подумала я и села.

«Он все-таки позвонил», – подумала я затем и вдруг поняла, что на самом деле думаю только о последних его словах. Они не только пролезли в кабель. Они затопили весь окружающий мир. Они были теперь повсюду, куда ни глянь, куда ни повернись. «Я. Люблю. Тебя. Слышишь?» Ага. Попробуй, не услышь. Как с ними жить дальше, с этими словами?

И тут меня обожгло: возможно, разговор разъединился случайно! Возможно, как раз в этот момент Сатек пытается прозвониться заново! А я, как последняя дура, сижу, держа в руках трубку реанимационного телефонного аппарата! Верни ее на рычаг, идиотка! И действительно, телефон зазвонил сразу же, как только я положила трубку. Меня будто подбросило.

– Алло! – крикнула я в микрофон. – Алло, Сатек! Алло! Алло!

– Какой затык? – недоуменно произнес незнакомый голос. – При чем тут затык? Алло! Это Саша? Можно Сашу?

Я снова села. Это не Сатек. Колени уже не дрожали, зато навалилась какая-то невиданная необоримая усталость. Усталость и зевота.

– Можно Сашу. Саша у телефона. С кем я говорю?

– Ну знаете, Александра Родионовна... Это просто некрасиво с вашей стороны, – обиженно сказали на другом конце провода. – Когда нужно было выручать вас из участка, вы узнали меня по первому слову...

– А, Сережа... – Я подавила зевоту. – Извините, я думала это кто-то другой. Вы что-то хотели?

– Надо встретиться. Прямо сейчас. В мороженице на Садовой. Понимаю что сейчас вечер, и вы устали, но дело не терпит отлагательств.

– Хорошо, – ответила я. – Это называется «с вещами на выход». Сейчас возьму вещи и выйду.

– Не городите чепухи. Я жду.

Он повесил трубку, а я поднялась со стула и вяло переоделась. Странно: я так боялась этого звонка, а когда он последовал, не чувствовала ничего, кроме усталости и равнодушия. Кого волнуют такие незначительные мелочи? Мир теперь делился для меня на две неравные части. Одна – крошечная, едва заметная, но тем не менее обладающая досадной способностью постоянно путаться под ногами, включала повседневную жизнь, работу в лаборатории, квартиру, улицу, город и прочую ерунду. Другая – огромная и сияющая, как широкоформатный экран, когда смотришь на него из первого ряда, состояла из четырех всеобъемлющих слов: «Я-Люблю-Тебя-Слышишь».

Когда я застегивала босоножки под пристальным взглядом собаки Бимы, из гостиной выглянула мама:

– Сашенька, уходишь? Когда вернешься?

– Скоро, мамуля. Это тут, недалеко, в мороженице. Нужно повидать кое-кого.

– В мороженице? Зачем? Если это мальчик и он стесняется, я могу закрыться и не выходить...

После разрыва с Лоськой мама сильно переживала мое затянувшееся одиночество. Я подошла и поцеловала ее в лоб.

– Мамуленька, ты живешь в прошлом. Те мальчики, которые сейчас подходят мне по возрасту, давно уже не стесняются мам своих подружек. Честно говоря, они уже вообще ничего не стесняются...

– Ладно, – вздохнула мама. – Может, заодно выведешь собаку? В эту мороженицу пускают, там буфетчица моя клиентка. Вернее, ее пуделек.

Бимуля, конечно, тут же вскочила и, урча, принялась носиться по коридору из конца в конец. «И в самом деле, – подумала я, – отчего бы не взять с собой собаченцию? Я ведь ей обещала сотрудничество в области киллерского ремесла: она вынюхивает, я исполняю... А слово надо держать – особенно если оно зафиксировано на милицейской прослушке».

Сережу я увидела еще на подходе к мороженице, в окно. Шел десятый час вечера, и в помещении, кроме Свиблова, сидела только одна случайная парочка влюбленных школьников, неизвестно почему застрявшая именно здесь, и именно в то время, когда весь город гуляет по набережным. Когда мы с Бимулей ввалились внутрь и, кивнув знакомой буфетчице, гордо проследовали к угловому столику, оперуполномоченный не смог скрыть своего изумления.

– Вы полны неожиданностей, Александра Родионовна. Вот так, с собакой...

– Что это вы перешли на имя-отчество, Сережа? – поинтересовалась я. – Можно по-прежнему – Саша. Или мы теперь в ссоре? Ну, не узнала вас по телефону, извините. А надо узнавать? Мы ведь пока не дrolя с дrolечкой, правда?

– Пока нет, – усмехнулся он. – Но зачем вы привели с собой пса?

Я погрозила оперуполномоченному пальцем.

– Во-первых, это не пес, а честная сучка. А во-вторых, специальных указаний о неприходе собак не было. Вот я и привела. Считайте ее моей помощницей. Доктором Ватсоном. Бимуля, ты ведь не откажешься быть доктором Ватсоном? Зарплата – сосиска в неделю.

Бима, уже устроившаяся под столом, протестующе стукнула хвостом об пол. Размер оклада ее явно не устраивал.

– Какое мороженое предпочитаете? – спросил Свиблов.

– Предпочитаю клубничное. Но тут у Антонины Васильевны только сливочное и крем-брюле... А впрочем, гулять так гулять! Если уж мы играем в барышню и кавалера, то возьмите мне, Сережа, сто граммов рислинга. И полпачки печенья «Дружба» для доктора Ватсона. Эта дружба вам жизненно необходима, поверьте... – Я заговорщицки наклонилась над столом. – Кто-кто, но мы-то с вами хорошо знаем, насколько информативными бывают мои беседы с этой, извините за выражение, сукой.

Бима снова протестующе стукнула хвостом. Свиблов отошел к буфету, а я наклонилась к собаке и потрепала ее за ухом.

– Слушай, Бимуля, кончай возражать хозяйке. Мы должны выступать единым фронтом. В ответ на мои слова ты можешь только восхищенно повизгивать. Зато когда говорит он, позволяется время от времени порычать – негромко, но внушительно. Поняла?

Собаченция ответила грустным взором.

– Куда ты меня притащила? – упрекали ее глаза. – Почему я лежу на этом грязном полу, вместо того чтобы гулять вдоль канала, обнюхивая тамошние столбики и деревья? Тебе не стыдно?

Хорошо, что вернулся опер со стаканами и печеньем, которое я тут же скормила Бимуле. Мы отпили по глотку и немного помолчали.

– Дело серьезное, Саша... – начал Свиблов. – Не знаю, слышали ли вы о случаях в парке Сосновка. В прессу это не попадает, но слухи-то ходят.

Я пожала плечами.

– Понятия не имею, о чем вы. Сосновка – это на Гражданке? Я там даже не бываю. Наверно, поэтому и слухи не дошли. А что такое?

Он замаялся.

– Да вот... Знаете, я лучше покажу, чем рассказывать... – Оперуполномоченный раскрыл портфель и достал оттуда конверт. – Саша, я могу вас попросить пересесть? Вот сюда, лицом к залу, чтобы никто не увидел...

Снова пожав плечами, я пересела, как он просил, и открыла конверт. Там были фотографии. Мертвые лица – по-видимому, женские, искаженные жуткими гримасами. Голые тела в синяках и ранах. Страшная, мучительная смерть вопила с каждого снимка. Я не смогла досмотреть до конца.

– Что это, Сережа? Зачем вы показываете мне этот кошмар?

Он вложил снимки в конверт и убрал в портфель. Бима деликатно заурчала, намекая на желательность нового подношения. Но мне было не до печенья.

– Это длится уже три года, – сказал Свиблов. – Двадцать три изнасилованных и убитых девушки. Почерк везде один и тот же, то есть речь идет об одном и том же маньяке. Действует и вечером, и при свете дня. Сначала он, видимо, оглушает жертву ударом сзади. Затем раздевает и заворачивает в полиэтиленовую пленку. Потом насилует, душит и выбрасывает там же, в парке. Следов никаких. Свидетелей тоже. Полный тупик.

– Надеюсь, вы рассказали об этом не потому, что подозреваете меня?

– Саша... – Свиблов устало потер глаза. – Я ведь просил вас подойти серьезно. Неужели вам хочется шутить даже после этих фотографий?

– Я не шутила. Какая еще может быть причина? Я ведь не милицейский постовой, не следователь, не оперативник. Чем я могу тут помочь? Ничем.

Оперуполномоченный поднял на меня свой рыбий взгляд:

– Так-таки и ничем?

Мы помолчали.

– Мне еще вот что непонятно, – сказала я, чтобы хоть чем-то заполнить паузу. – Почему этим делом занимаетесь вы, а не милиция? Есть же этот... как его... угрозыск.

Он пожал плечами.

– Ну... как вам это получше объяснить... Сейчас у нас с милицией не лучшие отношения. Там многое... э-э... не в порядке. Многое требует... э-э... перетряски. Поэтому есть приказ забирать у них самые тяжелые дела. Как будто нам больше нечего делать... – Свиблов уныло покрутил головой. – А наши ресурсы, откровенно говоря, не слишком подходят для уголовки. И опыта соответствующего меньше, и информаторов нет. В общем, шансов не так уж и много.

Он залпом допил вино.

– Хотите еще? Нет? А я возьму...

Свиблов снова сходил к буфету и вернулся с бутылкой. Влюбленная пара ушла, теперь в мороженице оставались только мы. Оперуполномоченный налил себе полный стакан, плеснул мне и стал пить, мерно двигая кадыком.

– Уф, какая кислятина... – он снова наполнил стакан.

– Сережа, вы намерены напиться?

– Как же, этим напьемся... – мрачно хмыкнул Свиблов. – Слушайте, Саша, я хочу быть с вами совершенно откровенным. Мой начальник привлек вас так, на крайний случай. Потому что кто вы и что вы – непонятно. Даже вам самой непонятно. Я прав?

– Стопроцентно.

– Ну вот. Он так и сказал: на самый крайний. Когда полный тупик, в ход идет что угодно, хоть нечистая сила, хоть марсиане, хоть еврейская каббала.

– И по какому же разряду из этих трех прохожу я?

Он отмахнулся от вопроса, как от надоедливой мухи:

– Да какая разница, Саша? Вам самой-то не все равно? Важно, что у вас что-то получается. Может, и здесь получится? – Свиблов наклонился над столом и прошептал, уставившись в меня своими судачьими глазами: – Убейте этого гада, Саша. Просто убейте. Вы же видели, как он девочек этих изуродовал... Я вам еще заключение патологов не показывал – там вообще мрак. Разве такая мразь имеет право жить? Он ведь дальше продолжит... эти маньяки не останавливаются, пока им голову не свернешь. Вот и сверните ему голову. Пожалуйста. Пейте!

Мы выпили, и опер разлил по стаканам то, что осталось.

– Я обещаю попробовать, – сказала я. – Но не знаю, получится ли. Понимаете, Сережа, все те случаи... Во всех тех случаях я хорошо представляла, кого... ну...

– Кого убиваете, – подсказал Свиблов.

– Ну да. А тут... тут же о нем ничего не известно. Мне его даже не вообразить. Чудище какое-то мерзкое, склизкое, с клыками. Но он ведь, наверно, выглядит совершенно иначе. Если бы вы подсказали – как? Хоть какие-нибудь детали, минимальные. Потому что иначе... иначе я не смогу.

Оперуполномоченный покрутил головой:

– Эх, Саша, если бы мы знали детали, нам не понадобилась бы ваша помощь... – Он снова раскрыл портфель и достал оттуда конверт с фотографиями. – Вот примерно все детали. Я вам оставляю.

– Не надо.

– Надо, – твердо проговорил он. – Чтобы вы помнили, что будет происходить, если у вас не получится. Может быть, прямо сейчас, когда мы с вами разговариваем, он кладет под куст двадцать четвертую девушку. Вернее, ее мертвое тело. Вы понимаете?

Свиблов застегнул портфель, допил вино и вышел не прощаясь. Я толкнула ногой задремавшую Бимулю и тоже поднялась.

– Так и ушел? – ахнула из-за прилавка знакомая буфетчица Антонина Васильевна. – Даже не проводил?! Ну и мужики теперь... Не везет тебе, Сашка.

– Не везет, Антонина Васильевна, – подтвердила я. – Он хоть заплатил?

– А как же! – подмигнула она. – Передавай маме привет – от меня и от Жоржика!

Мы с Бимой брели вдоль канала, и конверт со страшными снимками обжигал мне бок и подмышку. Я ни капельки не сомневалась, что у меня ничего не выйдет. Тех, предыдущих, убивала моя ненависть. Я просто шипела им: «Сдохни! Сдохни!», и они исполняли приказ. Но здесь... допустим, я даже произнесу эту мистическую формулу... А зачем допускать-то? Вот возьми и произнеси! Хуже-то все равно не будет...

Я остановилась, взялась за конверт обеими руками и выпалила:

– Сдохни!.. Сдохни!.. Сдохни!..

Не замеченный мной встречный парень шарахнулся в сторону, отбежал на безопасное расстояние, оглянулся:

– Совсем сбрендил?!

Бимуля угрожающе зарычала, и парень, качая головой, пошел себе дальше. Честно говоря, я понимала его чувства: что-то похожее на церемонию вуду на Крюковом канале в белую ночь – это и в самом деле нечто...

– Сдохни!.. Сдохни!.. Сдохни!.. – еще несколько раз проговорила я и прислушалась.

В мире все оставалось по-прежнему. На улицах и набережных сгущались молочные сумерки – до одиннадцати еще немного стемнеет, а потом снова начнет светлеть. Белая питерская ночь, томительный морок, потерянная душа, отжатая в рыхлую творожную массу... Где-то там, глубоко в животе этой ночи, ворочается сейчас страшный склизкий урод с клыками и скрюченными пальцами. Или уже не ворочается? Возможно, его настиг удар моей ненависти... Возможно, он испускает свой мерзкий дух в эту самую минуту...

– Сдохни!.. Сдохни!.. Сдохни!..

Бима ткнулась лбом мне под колено. Что ж, можно понять и ее. Собака устала от странных выкрутасов хозяйки. Собаке хочется домой – слопать вечернюю миску каши и залечь на коврик. Всех их можно понять: и шарахнувшегося парня, и собаку Биму, и опера Сережу Свиблова, и его седовласого полковника, и даже неведомого уroda из Сосновки. Не понять только саму себя, Сашу Романову. Получилось? Не получилось? Получится? Не получится? Откуда взялась во мне эта странная способность? Сохранилась ли она сейчас? И даже если сохранилась, сработает ли завтра, через неделю, через год?

Мы шагали домой, Бима нетерпеливо натягивала поводок, а я безуспешно пыталась припомнить что-то очень важное или казавшееся таковым – что-то, случившееся со мной еще до встречи с опером. До. Было ведь что-то такое и до конверта с этими жуткими фотками. Но что? Что?

Ах, да: звонок Сатека. Звонок Сатека и «Я-Люблю-Тебя-Слышишь»... Это произошло всего полтора часа тому назад. Полтора часа... – или полтора года? Сейчас уже и не поймешь...

Свиблов позвонил через день:

– Ну что, Саша? Получилось?

– Это вы мне скажите, получилось или нет! – психанула я. – Мне-то откуда знать? Вы что, думаете, ангел смерти мне докладывает? Да даже если и доложит, откуда мне знать, кто из десятков умерших – ваш маньяк? Я делаю все что могу, и перестаньте задавать идиотские вопросы!

Он молчал так долго, что я подумала – разговор прервался.

– Сережа, вы еще на линии?

– Да, я здесь, – тихо ответил опер. – Не надо кричать, Саша. Вижу, вы приняли эту историю близко к сердцу. Что понятно. Но подумайте, каково мне. Дело-то висит на моей шее. Или даже на моей совести. Так что сделайте скидку, не корите за идиотские вопросы. По-человечески, да?

Мне стало стыдно.

– Извините.

– Ничего, – сказал он. – Я буду держать вас в курсе.

Июнь катился в лето – первый июнь в моей взрослой жизни, первый июнь без экзаменационной сессии, без годовых контрольных работ, без мыслей о каникулах – студенческих или школьных – месяц как месяц, мало чем отличающийся от прочих. На работе все сидели тихо, как бобики на привязи у магазина, – сидели и ждали. Чего ждали? А чего ждут бобики? Выхода хозяина, который отвяжет поводок и скажет – или не скажет, – что будет с ними, бобиками, дальше. И что бы он ни сказал, что бы ни сделал – бобики примут всё. Примут с визгом, трепетом, стоном или даже протестующим лаем – но примут. Все это было истощающе верно и в отношении нас.

Нечего и говорить, что прежний свободный режим остался в прошлом. Теперь все старались приходить на работу вовремя: отдел кадров то и дело устраивал внезапные проверки. Вылазки наружу превратились в настоящую операцию, что-то вроде разведки боем. И хотя вскоре Грачев выбил для всех сотрудников особые пропуска, утверждающие, что «податель сего» пребывает в статусе перемещения из лаборатории на головную площадку института – или обратно, – это мало помогало. Пропуск еще мог сработать на улице или в транспорте, но не в случае, когда облава захватывала тебя в магазине, в зале кинотеатра или, еще того хуже, в пивнушке.

Чем мы занимались? Кто чем. Читали, вязали, расписывали преферанс, забивали козла, играли в «монопольку», в шахматы, в покер. Устав, выходили под окна перекурить и трепались, трепались, трепались. Временами кто-то, одурев от скуки и ничегонеделания, заводил речь о работе – вернее, о том, что именовалось работой в наших квартальных, годовых, пятилетних планах, но почти сразу же умолкал под удивленными и осуждающими взглядами коллег. Ведь планы заведомо составлялись на идеальной полуфантастической основе – как, впрочем, и последующий отчет об их выполнении, – так что внесение любой реальной практической детали немедленно разрушало эту воздушную конструкцию.

– Понимаешь, Сашуня, это как мир и антимир, – объяснял мне Троепольский. – Они не могут существовать вместе. Так вот, наши планы и отчеты – это мир, а реальная работа – антимир. Малейший практический опыт немедленно продемонстрирует полную нежизнеспособность всего проекта и таким образом уничтожит его. Ты хочешь, чтобы лабораторию закрыли? Нет? Тогда даже не заикайся о работе. Мы работаем раз в квартал – составляем отчет о предыдущем и пишем план на следующий.

Ха! «Мы работаем!» Честно говоря, «мы» не делали и этого: планами и отчетами в лаборатории занималась одна только Зиновья.

– Отдуваюсь за весь коллектив... – смеялась она.

Впрочем, Зиновья тоже не перетруждалась – внесение мелких изменений в прошлогодние версии документов занимало у нее не более часа...

«Ты хочешь, чтобы лабораторию закрыли?»

Я молчала, потому что Троепольскому вряд ли понравился бы мой ответ на этот вопрос. Конечно, мне не хотелось, чтобы их выкинули на улицу: как-то так получилось, что все институтские связи распались, и теперь грачевцы были моими единственными друзьями. Но еще меньше мне хотелось бы оказаться в положении самого Троепольского, для которого не существовало более страшной угрозы, чем перспектива закрытия лаборатории... Построить на этом жизнь? Продолжать и дальше это безрадостное пресмыкательство втуне? Бр-р... Я была совершенно уверена, что уйду отсюда при первой возможности – например, через три года, когда закончится обязательный стаж молодого специалиста. Вот только останусь ли я такой же через три года? Лаборатория затягивала, как болотная тряпина. Тимченко знал, что говорил, когда предупреждал меня об подобном варианте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.